

18+

Авторы-составители
Голиб Бахшиллаевич Саидов
Амон Лукманович Иноят

Бухарские миражи

Голиб Бахшиллаевич Саидов

Бухарские миражи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69485458

ISBN 9785005149886

Аннотация

Книга предназначена для тех, кто интересуется не только историей Бухары. Авторы попытались охватить широкую палитру областей: историю, архитектурные памятники, этнографию, фольклор, литературу, музыку. Словом, всё то, без чего невозможно представить себе облик одного из древнейших городов Средней Азии, вобравшего в себя всё многообразие культур сопредельных стран и канувших в вечность мировых цивилизаций.

Содержание

От авторов	7
Часть I – История	14
Загадочная страна Маргуш	21
Арии и зороастризм	24
Кушанское царство	28
Иран и Туран	33
Сиявуш	35
Советская Бухара	39
О нации и языке	48
Из истории изъятия монет	64
Плоды самосознания	70
Часть II – Памятники архитектуры	73
Цитадель Арк	76
Мавзолей Саманидов	89
Ансамбль Пои-Калон	94
Медресе Абдулазиз-хана	113
Дженькуе бардзо	115
Предсказание Ахмада Дониша	120
Мавзолей Чашма Аюб	122
Ситора-и Моҳи-Хосса	126
Ансамбль Ляби-Хауз	138
Ворота Бухары	147
Ворота Талипоч	150

Ворота Ўғлон	152
Ворота Ҳазрати Имом	154
Самаркандские ворота	156
Ворота Мазари-Шариф	158
Каршинские ворота (Қавола)	160
Ворота Саллоххона	162
Ворота Намозгоҳ	165
Ворота Шайх Чалол	167
Каракульские ворота	169
Ворота Шергирон	171
Часть III – Бани, базары и караван-сарай...	173
Ҳаммом	173
Базары	181
Бозор-и мол	186
Яйца от чёрной курицы	190
Надежда умирает последней	200
Караван-сарай	205
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Бухарские миражи

Автор-составитель Голиб Бахшиллаевич Саидов

Автор-составитель Амон Лукманович Иноятов

ISBN 978-5-0051-4988-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С. М. Прокудин-Горский. Большой Минар в Старой Бу-

харе.

*Памяти коснеющей не верьте,
Хлопающий ставень на ветру.
Кто-то сбросил с минарета Смерти
Расточительную Бухару.
И лежит распластанное тело;
Каждый может подойти и пнуть.
Море шёлковое отшумело,
Грязной тряпкою прикрыта грудь.
Побеждённых бросили на плаху,
Разогнали в тёмные углы...
Только аисты поют Аллаху
С минаретов звонкие хвалы...
(Николай Иванович Леонов)*

От авторов

Бухара. Фото Г. Саидова, 2006 г.

«Волга впадает в Каспийское море» – существует известное выражение, подразумевающее неопровержимый факт или аксиому. Следуя в русле подобной метафоры, можно было бы несколько перефразировать и сказать: «Амударья впадает в Аральское озеро», но... Арала уже нет. Он, можно сказать, умер – осталась лишь небольшая «лужица» на карте

мира. Как и не существует уже – увы – той Бухары, которая была некогда воспета знаменитым основоположником таджикско-персидской литературы Абу Абдуллох Рӯдаки (858—941 гг X в. н. э.)

Как явствует из трактата «Чаҳор мақола» Низами Арузи Самарканди, по преданию, эмир Наср II (914—942) загостился в Герате настолько, что задержался там на несколько лет. Тем более, что это совпало с лучшим периодом правления Саманидской державы (874—999 гг. н.э.): всё было благоустроено, страна не знала врагов, армия была готова выполнять все распоряжения, и само время было счастливым, а счастье – полным. Наконец, близкая монарху свита и военачальники догадались, что он намерен и ближайшее лето провести в Герате. И тогда придворными было принято решение, обратиться к самому «Адаму поэтов» – такое прозвище («ляқаб») было присвоено Рудаки. Далее:

«Тогда военачальники и высшие сановники государства отправились к устоду Абуабдулло ар-Рудаки (а из собеседников падишаха не было ни одного, кто был бы так почитаем и авторитетен, как он) и сказали ему: «Мы одарим тебя пятью тысячами динаров, а ты прояви такое искусство, чтобы падишах покинул эту землю, ибо сердца наши изнывают в тоске по детям, а душа томится в стремлении к Бухаре». Поэт согласился, а нащупав пульс у эмира и зная

его нрав, понял, что прозой он не проймет его, и обратился к поэзии, сложив касыду-импровизацию. И, сопровождая себя на чанге, пропел на мелодию «ушшок» импровизацию о Бухаре.¹

«Он как тополь! Ты как яблонево сад!» – Здесь, «Он» – имеется в виду эмир; «ты» – Бухара. – «Тополь в сад благоухания приходит.»

Когда Рудаки дошел до этого бейта, эмир был так взволнован, что помчался к переправе через Амударью, и направился в Бухару, так что сапоги ему доставили лишь в Бурун, через два фарсанга; там он обулся и не выпускал поводьев из рук нигде, вплоть до самой Бухары».²

Напомним лишь начало этой известной касыды:

*Бӯи ҷӯи Мӯлиён ояд ҳама,
Ёди ёри меҳрубон ояд ҳама!*

*Ветер, вея от Мӯльяна, к нам доходит.
Чары яр моей желанной к нам доходят...
(Перевод И. Сельвинского)*

Мы вполне сознательно сделали это отступление, совер-

¹ Ушшок (от араб. – влюбленные) – название широко распространенного в средние века макама из макомной системы «Двенадцать макамов» («Дувоздах маком») и популярного шуъбе (произведения) из цикла «Шашмаком». Первоначально, этот маком выражал лирическое настроение.

² из трактата «Чахор макола» («Четыре беседы») Низами Арузи Самарканди

шив путешествие во времени на целое тысячелетие назад в прошлое. В то счастливое время, пришедшее на «пик расцвета» столицы Саманидов и всего бухарского оазиса. Когда и в помине не существовало ни Нью-Йорка, ни Москвы, ни – Санкт-Петербурга. Сознательно или нет, но историками и учёными давно предана забвению одна из уникальнейших цивилизаций, существовавших когда-либо на нашей планете.

Да-да, дорогой читатель, ты не ослышался – стараниями многих поколений завоевателей, а затем и так называемых «освободителей», постепенно, шаг за шагом, стала впадать в забвение, а затем и вовсе растворилась и оказалась стёртой с лица земли одна из интереснейших и богатейших культур.

Нам со школьной скамьи кое-что известно о древних пирамидах и египетском сфинксе, чуть более – о греческих мифах и римской империи, а вот, о бухарской цивилизации... О ней имеют представление лишь ученые-востоковеды да те немногие из «могикан», которые чудом, в единичном экземпляре, сохранились до наших дней, словно реликтовые ископаемые, по останкам которых мы можем судить о существовании некогда мамонтов.

Для того, чтобы понять – в чём именно заключалась её уникальность, достаточно лишь почитать работы таких востоковедов, как О. Сухаревой («Бухара XIX начала XX вв», «Квартальная община позднефеодального города Бухары») и Л. Ремпеля («Далекое и близкое»), труды И. Крачковского

и Е. Бертельса, И. Брагинского и М. Салье, А. Семёнова и Г. Пугаченковой...

Необходимо, ознакомиться с тысячелетней историей Бухары, с его многовековым укладом, традициями, обрядами и обычаями, уходящими своими корнями в до исламскую эпоху. Проникнуться таинственной и завораживающей аурой, исходящих от архитектурных памятников, покрытых священной пылью и печатью древней седины. Ведь, начиная с детской колыбели и домашнего порога, до глубокой старости и обряда похорон, вся жизнь бухарца была регламентирована особым укладом, который был продиктован самой жизнью. Возьмите любую бытовую мелочь, и вы будете изумлены и покорены тем, что наши предки, оказывается, были намного мудрее, чем это может показаться на первый взгляд.

К сожалению, время не щадит никого: ни людей, ни города, ни страны, ни – эпохи... Всё стирается в тлен и придорожную пыль. И лишь только память – она одна – предназначена, сохранить и донести до потомков хотя бы малую часть того, что некогда являлось украшением и достоянием отдельно взятой цивилизации. С тем, чтобы последующие поколения смогли по крупицам восстановить настоящую картину некогда былого величия и славы этого древнего города. Ибо только память и знание собственной истории способствуют продвижению вперед, к объективному осмыслению жизненного опыта и к осознанию собственного предназначения на этой Земле. Так как без знания своего прошло-

го, невозможно двигаться в будущее: прежде чем построить крепкий и надёжный дом, мы начинаем с того, чтобы положить в основание прочный фундамент. И только опираясь на него, можно приступать к следующему шагу.

Вот и мы рискнули, совершить робкую попытку – составить книгу про свой родной город, охватив по возможности широкую палитру областей: историю, архитектуру, этнографию, фольклор, литературу, поэзию, наконец, про самих бухарцев и их своеобразный юмор. Словом, всё о Бухаре! Правда, «всё» – звучит, наверное, слишком дерзновенно, самонадеянно и даже вызывающе нескромно. Тем не менее – отчасти это так. Хотя бы потому, что обуславливается желанием, поведать о том, что ещё сохранилось в памяти наших современников. Ибо, одним из главных побудительных мотивов к созданию данной книги послужил... страх. Страх, что с исчезновением «последних из могикан», поколение молодых бухарцев, лишившись своих корней и знания истории родного края, будут обречены в лучшем случае, на растительное прозябание, ну а в худшем – на окончательное забвение.

Итак, пусть читатель сам выберет для себя, к какому жанру следует отнести данное произведение: справочник, путеводитель, мемуары, эссе?

В заключение, остаётся лишь поблагодарить широкий круг друзей, помогавших нам при создании данной книги. И среди них – в первую очередь – следует отметить А. Хаса-

нова и З. Клычева, без активного участия которых эту книгу вряд ли можно было бы считать состоявшейся.

Особую признательность авторы-составители выражают А. Хасанову, за безвозмездную читку и правку чернового варианта всего текста данной книги, что безусловно заслуживает отдельного упоминания и тёплых слов благодарности.

Также, авторы-составители выражают сердечную благодарность многочисленным друзьям-гидам, специалистам по истории, этнографии, архитектуре и прочим отраслей, которые безвозмездно и от души помогали нам в составлении данного сборника. И среди них несомненно, стоит отметить таких творчески увлечённых любимом делом людей, как: Б. Курбанов, А. Раззок Бухари, Р. Хусаинова, А. Муртазаев, Е. Некрасова, Ю. Шарипов, С. Салим, С. Фазылов и многие другие специалисты. Всем им – Рахмат и персональное Спасибо!

Часть I – История

Медресе Халифа Ниязкула, более известное как «Чор-Минор»

«Не ищите напрасно той Бухары, о которой так живо-

писно и красочно поведал нам некогда Л. Соловьёв в своей замечательной книге «Повесть о ходже Насреддине».

Не тратьте зря своё время, расспрашивая стариков про названия кварталов, которые так подробно и добросовестно описала в середине XX-го века в своей монографии известный востоковед О. Сухарева.

Не пытайтесь искать благообразных седобородых старцев, учеников и потомков суфийских шейхов, обследуя окрестности комплекса Бахауддина Накибанди, расположенного к югу от Бухары.

Прекратите нарушать покой усопших на кладбище Имама Абухавси Кабир, тщетно надеясь среди скромных могил и надгробий повстречать каландара или дервиша с деревянным посохом и отличительной остроконечной шапкой на голове.

Не стоит зря закидывать свою голову кверху, в надежде увидеть белого аиста, гордо восседающего в своём высоком гнезде, сооружённом на верхушке пятисотлетнего тутового дерева, расположенного у Ляби-Хауза, на вершине минарета Калян или на кобальтовых куполах медресе Мир-и-Араб. Последний аист покинул некогда славный город в конце 70-х годов прошлого века.

Все это бесполезно. Ибо, Бухара уже давно умерла. Окончательно и бесповоротно. И не нужно тешить себя былым величием некогда славной цивилизации, миражами, надеждами на несбыточные мечты и строить иллюзии».

Вот такую, или приблизительно такую неутешительную и суровую оценку дал нынешнему состоянию Бухары один из наших приятелей – знаток, специалист и признанный авторитет в области краеведения и истории среднеазиатских народов. И как бы ни больно было слышать подобную характеристику, как бы мы ни старались найти и поставить в противовес альтернативную и оптимистически выдержанную картину, всё же, во многом, если исходить из объективных реалий, сложившихся к сегодняшнему дню, вынуждены (отчасти) согласиться с его утверждением.

И действительно: как в сегодняшней Одессе непросто найти настоящего одессита, как в Санкт-Петербурге – отыскать настоящую питерскую семью – достаточно сложная задача, так и в самой Бухаре не так то просто найти сотню-другую настоящих бухарских семей, бережно сохраняющих и передающих своим детям культурное наследие и традиции, которые и составляли славу и величие некогда Благородной Бухары.

*«Лицом к лицу лица не увидеть,
– Большое видится на расстоянии...»*

– сказано известным поэтом С. Есениным. И это очень верно: только очутившись в 1984 году в России и прожив несколько десятков лет в Ленинграде-Петербурге, я стал

с годами нежнее относится ко всему тому, что связано с Бухарой. К памятникам старины, на которые смотрел некогда сквозь пальцы, настолько привыкнув к ним, что почти не замечал их.

Гуляя сегодня вдоль набережной Невы и любуясь прекрасной панорамой города, я ловлю себя на мысли, что, наверное, точно также и петербуржцы, в тысячный раз проходящие через Александровский сад и не обращающие внимания на примелькавшийся памятник «Медному всаднику» и далее – на величественный Исаакиевский собор, тоже не отдают себе отчёта в том, что живут рядом с живой историей, которой так будет недоставать, случись им надолго покинуть родной город.

Хоть и трудно не согласиться с нашим товарищем в его оценке, даваемой сегодняшней Бухаре, что-то все-таки удерживает от того, чтобы полностью разделить столь пессимистический вывод. Потому, что не всегда внешние видимые процессы отражают истинное состояние дел того или иного города или региона. Наверное, настоящую оценку можно дать лишь со временем, лет через пятьдесят-сто, не раньше. Вот почему мы с тревогой, надеждой и со слабым оптимизмом смотрим в будущее родного города. Вот почему мы решили поделиться с вами тем, что имеем в своём скромном хурджине-мешке, чтобы и вы имели возможность, улыбнуться с нами, порадоваться или взгрустнуть о том, о чём собираемся вам поведать.

И пусть, приехав в Бухару и пройдясь по улочкам старого города вы не найдёте того, чего ожидали увидеть. Не нужно разочаровываться. И не усматривайте в этом нашей вины. Поверьте, всё то, о чем мы расскажем вам ниже, всё это есть и никуда не исчезало. Только не для всех Бухара готова раскрыть свои тайны и прелести. Потому что она не терпит высокомерия и хвастовства, гордыни и самодовольства, тщеславия и снобизма.

Покоритесь и уничтожьте свою гордыню, покайтесь и припадите низко к стопам древнего города. Так низко, чтобы смешаться со священной пылью её узких улочек и дорог, растворившись в безвестности. Чтобы не осталось ни капли своего эго, своего «я». И быть может тогда, она позволит вам лишь немного, приоткрыть завесу истинности и святости, оберегающей её многие тысячелетия и дающей ей полное право именоваться Бухоро-и-Шариф, то есть «Благородная Бухара».

И если вам повезёт, то очень возможно, что вы познакомитесь с настоящей бухарской семьёй, отличающейся не только своим гостеприимством, щедростью и открытостью, но и самыми главными качествами истинных бухарцев – скромностью, деликатностью и своеобразным оригинальным юмором.

И тогда вы не только увидите настоящую Бухару, но и полюбите её всем сердцем, потому, что она умеет быть благодарной и хранить верность и дружбу на долгие века. Остав-

ляя взамен нам надежду. Надежду на новую встречу, надежду на новые свершения, надежду на лучшую и достойную человека жизнь. Ведь надежда всегда умирает последней.

Как известно, «историю пишут победители». Смешно, но – по иронии судьбы – высказывание это приписывается не кому-либо там, из древних мудрецов или античных греческих философов, а Антону Дрекслеру – основателю и первому председателю НСДАП, после которого партию нацистов возглавит небезызвестный персонаж, позорно закончивший свои дни весной 1945 года в своём бункере. А потому вполне понятна позиция отдельных скептиков, с известной долей иронии и сарказма относящихся к так называемой «объективной истории».

Ещё более чётко и недвусмысленно, со свойственной ему солдатской прямоотой, охарактеризовал эту науку французский император Наполеон Бонапарт: «История – это проститутка, которая спит в постели с победителем»

И тем не менее, настоящая история – как факты без комментариев – безусловно существует. Как существовали во все времена и те, кто пытался облечь её в красивую и привлекательную этикетку с тем, чтобы заставить нас с вами проглотить эту «конфетку».

Возвращаясь к нашей теме, мы также, вынуждены хотя бы в общих чертах коснуться истории среднеазиатского региона и тех государств и народов, населяющих эту обширную

область междуречья, охваченную реками Сыр-Дарья и Аму-Дарья. Ибо, без знания собственной истории (как было уже сказано выше) сложно двигаться в верном направлении.

А «начать» – как замечательно было некогда сказано одним из наших советских лидеров – следует по всей вероятности с самых азов, то есть, «Ab ovo», что в переводе с латыни означает «с яйца...»

Загадочная страна Маргуш

«Гонур-депе» (туркм. «Серый холм»)

Ещё до недавнего времени, об этой цивилизации было почти ничего неизвестно. Однако, в начале 70-х годов прошлого века, благодаря стараниям советских археологов, научное сообщество, а вслед за этим и всё человечество откроет для себя неведомую прежде уникальную цивилизацию, не усту-

пающую по своей ценности ни Месопотамской, ни Харрапской центрам культуры. Чуть позже она станет известной всему миру, как Маргиана или страна Маргуш.

Своё название она получит по реке Мургаб, которая берёт своё начало в предгорьях Гиндукуша и течёт по территории современного Туркменистана, недалеко от древнего города Мерва (совр. г. Мары), теряясь в знойных пустынях Кара-Кума. И именно в дельте этой реки, в 1972 году, Маргианской археологической экспедицией под руководством Виктора Сарияниди, будет обнаружено городище бронзового века (2300 лет до н. э.) – «Гонур-депе» (туркм. «Серый холм»). По своей значимости, это можно сравнить разве что с открытием Трои Генрихом Шлиманом. Ничуть не меньше.

Гонур-депе был самым крупным поселением в Маргиане и общерегиональным зороастрийским центром. Это был столичный город, со своим дворцом и несколькими храмами, способными конкурировать с сооружениями Ассирии и Вавилона. Судя по разным источникам, площадь древнего городища колеблется от 25 до 50 га.

В 1996 году в 350 м к западу от центральной части был найден Большой некрополь, который раскапывался 10 лет и дал сведения почти о 3000 погребениях. Весной 2004 года на восточном берегу Главного бассейна были обнаружены 5 царских могил в виде подземных домов, сформировавших вместе с тремя огромными грунтовыми ямами-котлованами, где были похоронены животные и слуги, царский некрополь.

В 2009 году были найдены ещё 3 царские могилы. В каждой из гробниц, не раз ограбленной в древности, удалось найти прекрасные образцы искусства, богатые золотые клады, а самое ценное – сохранившиеся фрагменты декоративного убранства передних фасадов гробниц мозаичные панно с сюжетными композициями. Эти мозаики, выполненные в технике, сочетающей живопись по штукатурке с каменными мозаичными вставками, на сегодняшний день являются самыми ранними сюжетными мозаичными картинами в мире.

В научном мире, вся эта территория определяется как Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (англ. Bactria—Margiana Archaeological Complex) – одна из цивилизаций бронзового века, которая существовала на территории восточного Туркменистана, южного Узбекистана, северного Афганистана и западного Таджикистана с XXIII по XVIII вв. до н. э. – в одно время с Индской цивилизацией в Пакистане и Древнеавилонским царством в Месопотамии.

Арии и зороастризм

Заратустра, со звёздным глобусом в руке. Фрагмент картины «Афинская школа» худ. Рафаэль Санти

Ещё за 4000 тысячи лет до рождения Иисуса Христа, иранцы и индийцы принадлежали одной группе людей – Арии. На каком-то этапе они разделились: одна ветвь этой группы двинулась в сторону Индии, другая – на Запад – в сторону современного Ирана. В то время, как подавляющую часть территории планеты Земля можно охарактеризовать эпохой бронзового века, в Центральной Азии уже зарождалась уникальная цивилизация. В Египте велась интенсивная добыча полезных ископаемых, в Вавилоне – расцвел интерес к общественным наукам, делались новые научные открытия...

Именно в это время, в районе Средней Азии и современного Афганистана родился Заратустра («Зартушт», перс.). Впрочем, точное место его рождения до сих пор неизвестно. Заратустра говорил на старо-авестийском языке и жил в восточной части Иранского плато. Научный консенсус по вопросу времени жизни также отсутствует.

Говорят, что это был единственный ребенок, который во время рождения не плакал, а смеялся. Во многих традициях принято полагать, что ребёнок плачущий при рождении, распознаёт смерть как конец жизни, а тот кто смеётся, сознаёт свою праведность.

В это время, среди населения встречались различные ве-

рования во множество богов. Однако, в основном всё сводилось к почитанию воды и огня, у которых люди просили защиты и помощи. И прежде всего, от диких варваров, которые совершали набеги на мирное население, уничтожая их дома и грабя собранный урожай. В такое непростое время жил Заратустра.

По наступлению же им совершеннолетия, отец обяжет сына, носить на поясе шнурок, что являлось знаком священнослужителя в этой древней традиции. Тем не менее, уважая родных и близких, он не примет религиозные традиции своей семьи, пытаясь найти свой ответ. В итоге, получив благословение семьи, он покинет дом, отправившись на собственные поиски.

Свыше 10 лет он проведёт в скитаниях, пока на его пути не встретится Ахриман (злой дух), который попытается сбить Заратустру с праведного пути. Однако молодой скиталец выстоит и не поддастся чарам колдовства. Здесь невольно напрашиваются аналогии с Христом в пустыне, где его испытывал сам сатана. Выдержав экзамен, Заратустра заручается поддержкой Ахура-Мазды и начнёт проповедовать своё учение и заповеди, среди которых основными являются: «Благие мысли – благие слова – благие поступки». Но чтобы проповедовать свою религию, нужна необходимая поддержка и желательно со стороны какого-нибудь могущественного и влиятельного правителя. И скоро он предстанет перед одним из таких царей, где в ходе дискуссии с местными муд-

рецами, покажет себя с лучшей стороны, заручившись благосклонностью самого правителя.

На примере факела и обыкновенной чашки, он наглядно продемонстрирует перед монархом и его придворными ЧТО такое БОГ (свет от факела), олицетворяющий истинного бога Ахура-Мазду, и ЧТО такое ЗЛО (тьень от чашки) – воображаемый Ахриман – которого на самом деле нет, если чашку поднять и всё далее отдалять от стола, приближая к источнику. Таким образом, тень пропадает, растворяясь, а – следовательно – вместе с нею исчезает и само Зло.

Тем не менее, завистливые «учёные мужи», видя в новичке опасную для себя угрозу, сумеют сплести интригу, в ходе которой Заратустра будет обвинён в колдовстве и, лишившись монаршей милости, будет брошен в темницу. Где и проведёт в заключении немало времени.

Наконец, в один из дней, у царя заболела любимая лошадь. Горе правителя будет безутешным: ни конюх, ни лучшие доктора, никто не в состоянии будет справиться с этой болезнью. И тогда, Заратустра вызовется вылечить животное. Обратившись к своему верховному богу Ахура-Мазде, он совершит чудо, после чего, обрадованный повелитель примет новое учение, а вслед за ним его примеру последуют и все его подданные. Такова вкратце красивая легенда.

Кушанское царство

«Рабатакская надпись»

На рубеже эпох (I в. до н.э и нач. I в. н.э), с развалом и окончательным упадком династии Селевкидов, на смену ей приходит Кушанское царство.

Примерно в 129 г. до н. э. китайский посол по имени

Чжан Цзянь посещает Центральную Азию и обнаруживает, что народ, называвшийся в китайских текстах юэчжи, уже занял значительные территории по берегам реки Окс. Позднее юэчжи захватывают земли южнее Окса, и один из их кланов создаёт царство, известное в истории по его имени, Кушанское царство (кит. Гуйшуан, I—III вв. н. э. – древнее государство на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии, период расцвета приходится на 105—250 гг. н. э.) Кушанское царство было основано кочевым индоиранским народом тохаров, кит. юэчжи – «люди луны», пришедшим с территории, на которой сейчас находится Синьцзян-Уйгурский автономный район). С I по IV в. н. э. Кушанское царство являлось доминирующей силой, как в политическом, так и в культурном аспекте в Средней Азии и Афганистане.

Обилие глиняных черепков кушанского периода в Бухарском оазисе, во многих искусственных могильных курганах, указывает на процветающую экономику тех времен. Возможно, именно в этот период можно найти признаки самых ранних свидетельств существования древних поселений на территории нынешней Бухары. Вполне возможно, что название Бухара (на тюркских диалектах «букар») стало производным от «вихара» (общепринятое название буддистских монастырей). Более того, писатель периода Саманидов, аль-Хорезми, говорит, что «аль-бухаром» называют храм индийских идолопоклонников.

Древнейшие крепостные стены Бухары, носившие название Канпирак – («Старушка»), раскинувшиеся на 250 километров вокруг оазиса, вполне вероятно начали возводить еще до нашей эры, хотя археологические свидетельства пока не дают твердой уверенности. Стены опоясывали орошаемую часть оазиса и служили защитой как от песков пустыни, так и от враждебных кочевников. Фрагменты стены, особенно в восточной и юго-восточной частях оазиса, сохранились и по сей день.

Именно при господстве этой династии, наряду с зороастризмом, начинает распространяться также и буддизм, отголоски которого в той или иной мере можно и до сегодняшнего дня найти в отдельных элементах живописи и архитектуры стран Центральной Азии. И это несмотря на то, что государство было основано кочевым индоиранским народом тохаров (кит. юэчжи). Причём, на монетах этого периода можно встретить элементы множества сопредельных культов: как Будды, так и Митры, и даже богов из греческого пантеона. Можно предположить, что такая терпимость, по всей вероятности, была обусловлена прежде всего исходя из политических соображений: занимая центральную и важную часть великого шелкового пути, мудрые цари руководствовались далеко идущими стратегическими целями, стараясь вовлечь в зону своего влияния как можно большее количество народов, населяющих сопредельные империи. А империй этих, по большому счёту, на тот период было всего че-

тыре: это Рим, Парфия, Китай и собственно само Кушанское царство.

В Кабульском музее хранится так называемая «Рабатакская надпись», найденная в 1993 году на одной из скал, при раскопках в афганском посёлке Рабатак, недалеко от известного археологического памятника Сурх Котал. Эта надпись, сделанная на бактрийском языке греческим алфавитом, связана с правлением царя Канишки, правившем на рубеже I – II вв. н.э. в эпоху наивысшего расцвета Кушанского царства. В этой надписи, в частности, говорится также и о том, что правитель «выпустил эдикт на греческом и на арийском языках». Вполне вероятно, что в правление этого царя кушанский письменный язык был упрощен при помощи видоизмененного греческого алфавита. Потому что найдены как греческие, так и кушанские легенды на ранних монетах Канишки, тогда как на более поздних этапах правления Канишки греческие надписи уже исчезли.

Следовательно, можно предположить, что в период правления этого государя, наряду с греческим алфавитом, доставшимся в наследство от правления селевкидов, появляется и своя письменность, а главное – сохраняется «свой» язык. То есть, тот самый бактрийский (ныне «мёртвый») язык, на базе которого (по мнению некоторых лингвистов, Ю. Якубов и др.) в IX – X вв. будет впоследствии и создан язык дари/фарси.

Что касается эфталитов, то эти вторгшиеся с восточных

окраин кочевники унаследовали не только роль кушанов, но, похоже, и их язык. Или, выражаясь точнее, они переняли иранский диалект Бактрии, использовавшийся кушанами и, соответственно, называвшийся кушано-бактрийским. Поэтому, было бы правильным разделить историю этой большой восточноиранской территории на кушанский и последовавший за ним позднее эфталитский периоды. В персидском эпосе Фирдоуси «Шахнаме» («Книга царей»), земли кушанов в нескольких местах сопоставляются, по всей видимости, с Бухарским оазисом, что не кажется неожиданностью даже позднее, при власти эфталитов.

Иран и Туран

Согласно народному эпосу, иранский мир делится на собственно сам Иран, как правило, идентифицируемый с Иранским нагорьем, и Туран – территория севернее Амударьи, соответствующая нынешней Центральной Азии. Эпический Иран – это страна мировых царств, первое из которых было основано Каюмарсом, легендарным соответствием первочеловека Гаюмарта, персонажа зороастрийской мифологии. Согласно преданию, иранский царь Фаридун поделил мир между тремя своими сыновьями. Старшему Салму достался запад ойкумены (согласно другой традиции, крайний Восток – Китай), младшему Эраджу – Иран, а Туру, среднему сыну царя – северные земли, которые и стали именоваться Тураном. Тур вместе с Салмом предательски убили Эраджа, заманив его в Туран. Фаридун, узнав о гибели любимого сына, не простил Тура и повелел вырыть грандиозный ров на границе между Ираном и Тураном, который превратился в реку Амударью. В наиболее распространенной версии иранского эпоса, зафиксированной в поэме Фирдоуси, туранцы, потомки Тура, изображены извечными антагонистами царей Иранского нагорья.

В более поздние времена туранцами называли саков, массагетов, кушан, парфян, эфталитов и другие восточно-иранские народы. Термин обозначал практически всю Среднюю

Азию, где проживали эти народы. В персидской литературе широко освещена тема многовекового противостояния Ирана и Турана.

Со времен Ахеменидов название «Иран» закрепилось за государствами западно-иранских народов, создавших мощные централизованные империи. Страна восточно-иранских народов – Туран – была политически раздроблена на отдельные государства такие как: Согд, Бактрия, Хорезм, а также между степными ираноязычными племенами саков, сармат, юэчжей, массагет и других.

Если в авестийскую эпоху степь и пустыни, окружающие междуречье Амударьи и Сырдарьи, называли Тураном, то в средние века и вплоть до начала XX в. – это самое аму-сырдарьинское междуречье – то есть историческую Согдиану, принято было именовать Мавераннахром (что, в переводе с арабского «ма вара ан-нахр» – «то, что за рекой или – другими словами – Заречье»). Другие известные названия Фараруд (Вараруд) перс. или лат. Трансоксания (Трансоксиана), обозначаемое в переводе примерно то же самое.

Сиявуш

«Свадьба Сиявуша и Фарангис». Миниатюра из рукописи
«Шахнаме» Абулькаси́ма Фирдоуси

С упоминания имени этого легендарного героя, мы наконец вплотную подходим к истории Бухары. Сиявуш (авест. «чёрный конь»; перс. Сиявуш); в иранской мифологии сын легендарного царя Ирана Кей-Кавуса и отец Кей-Хосрова. В поэме Фирдоуси (935—1020 или 1030гг.) он выступает как образец чистоты, оклеветанный мачехой и погибший на чужбине. В образе героя Сиявуша можно заметить образ умирающего и воскресающего божества, которому поклонялись в Средней Азии до её исламизации.

Однажды иранские богатыри Тус, Гударз и Гив находят в роще у границы с Тураном девушку, которая бежала от своего отца (она оказывается туранкой, внучкой Гарсиваза). Богатыри спорят, кому она достанется, и приводят её к царю Ирана Кей-Кавусу, который, увидев её красоту, забирает девушку себе в гарем. У них рождается сын Сиявуш, который воспитывается у героя Рустама в Забулистане и учится у него воинскому искусству. Когда Сиявуш вырос, он приезжает в столицу. Отец даёт сыну во владение Кухи́стан. Умирает мать Сиявуша, он оплакивает её.

Старшая жена Кавуса Судабе влюбляется в юношу и просит Кавуса, чтобы тот навестил её. Кавус не возражает, и Сиявуш посещает покои Судабе, они беседуют, после чего Судабе советует Кавусу женить юношу. Вскоре Сиявуш вторич-

но посещает покои Судабе. Царица признаётся ему в любви и предлагает выдать за него замуж свою дочь. Когда он в третий раз приходит к ней в покои, Судабе пытается его соблазнить, но он отвергает ухаживания мачехи.

Тогда Судабе, разорвав на себе одежду, обвиняет Сиявуша в том, что это он пытался посягнуть на ложе отца. Кей-Кавус доверяет сыну, допрашивает Судабе, изучает, чем пахнет от Сиявуша и от Судабе, и убеждается, что она лжёт.

Однако Судабе, прибегнув к помощи колдуньи, утверждает, что у неё был выкидыш, а виновником этого стал Сиявуш, и показывает тела двух мёртвых младенцев. Кей-Кавус расследует дело, привлекая для этого консультации астрологов, допрашивает колдунью и устанавливает, что никакого выкидыша не было.

Тем не менее Судабе настаивает на своём, и отец решает подвергнуть Сиявуша испытанию огнем, чтобы подтвердить его невиновность. Сиявуш с помощью волшебного вороного коня и панциря невредимым проходит сквозь огонь. Кавус гневается на жену и хочет повесить её, но Сиявуш просит отца помиловать Судабе, что тот и делает.

«Нет: ну надо же, какая сучка!» – воскликнет в праведном гневе кто-либо из читателей. И знаете – авторы полностью солидарны с подобным возмущением.

Далее, в Иран вторгается туранское войско Афрасиаба.

Сиявуш просит отца отправить его в поход, Кавус даёт согласие. Сиявуш вместе с Рустамом выступает, посещает по пути Забул (Кабул), Герат, Балх. У Балха происходит успешный для иранцев бой, о котором Сиявуш сообщает в письме отцу и получает ответ.

Гарсиваз (брат Афрасиаба) прибывает в стан Сиявуша для переговоров. Рустам и Сиявуш обдумывают речь посла, после чего Сиявуш заключает с Афрасиабом договор о перемирии и получает 100 знатных туранцев в заложники. Сиявуш отправляет к Кавусу Рустама с посланием.

Когда Кавус узнаёт о перемирии, он гневается и приказывает прислать к нему заложников в цепях и возобновить наступление на врага. Когда Рустам выражает недовольство, Кавус отсылает его в Систан и назначает полководцем Туса.

Сиявуш, получив послание Кавуса, совещается с Бехрамом и Зенге и решает вернуть заложников, нарушив приказ отца. Понимая, что его за это может ждать наказание на родине, он отправляет Зенге для переговоров к Афрасиабу, тот привозит послание туранского царя. Сиявуш вверяет войско Бехраму, пишет письмо отцу с объяснением своих действий и переправляется через реку Джейхун, оказавшись на туранской земле.

В общем, таким образом, Сиявуш оказывается на территории современного бухарского оазиса.

Цитадель правителей города (Арк) – был построен именно этим славным мужем.

Советская Бухара

Бухара, после взятия её войсками М.В.Фрунзе.

Мы сознательно вынуждены пропустить огромный пласт истории, включающий в себя отдельные значимые периоды (начиная от завоеваний Александра Македонского и его свадьбы на дочери местного вельможи Равшанак /Роксаны/, до принудительного насаждения Ислама /8 век н.э./ и нашествия кровавых орд Чингис-хана /13 век/, а также, последующих вслед за этим нескольких правящих династий) с тем, чтобы подойти поближе к современной картине, сложившейся

ся в ходе новейшей истории за последние 100 лет.

А именно, к последнему штурму Бухары, под натиском большевистской армии, во главе с «красным стратегом» М. Фрунзе. После чего, собственно, склонится к закату жизнь бухарского эмирата, как самостоятельной и независимой государственной единицы на политической карте мира.

Штурм столицы начнётся 30 августа, а завершится лишь 2 сентября. Решающую роль в этом сыграет артиллерийская и авиационная бомбардировка крепости Арк, жилых кварталов и мечетей. Использовались в том числе и химические снаряды. Штурм приведёт ко многим жертвам, а затем войска большевиков учинят в городе самый настоящий грабеж. Вот лишь только одна выписка из доклада Совинтерпропу члена «тройки» Реввоенбюро А. Машицкого:

«Революция, оказавшись неподготовленной, превратилась в форменное выступление Красной армии, ничем не прикрытое, нарушившее все представления о праве бухарского народа на самоопределение, и Бухара фактически оказалась оккупированной страной. По Бухаре было выпущено несколько миллионов пуль и несколько тысяч пушечных снарядов, из которых было немалое количество и химических. Сила артиллерийского и пехотного огня была настолько велика, что возможность перехода бухарских солдат на сторону революции сама по себе отпала. Бухара в центре и в местностях, прилегающих к вокзалу, оказалась

совершенно разрушенной. Уничтожены исторические памятники. Повреждены мечети, а некоторые из оставшихся в целости (2/3 из них) были превращены в казармы и конюшни. Начатые пожары и грабежи оказали самое вредное влияние не только на настроение народных масс, но и на Бухком (самых преданных делу революции товарищей), которые возмущались и открыто говорили, что Бухару «грабят большевики».

Здесь, пожалуй, будет небезынтересным, привести отдельные воспоминания наших бабушек, в памяти которых эти события оставят неизгладимый след на всю оставшуюся жизнь.

«Бабушка моя, прекрасно помнившая захват большевиками Бухары, а также первые декреты и указы новой власти о конфискации, изъятия золота и прочих ценностей у обычного населения, с последующими арестами и репрессиями... по понятным причинам не могла испытывать особой любви к партии коммунистов и ленинцев.

Когда же, репрессировали самого Ф. Ходжаева, бабушка была откровенно шокирована этим известием.

– Шумо фаҳмидет ми? («Вы слышали?») – обратилась она к своей старшей дочери. И на недоуменно-вопросительный взгляд, пояснила – Файзулло хўчая манакашба пулямўта монда паррондан! («Файзуллу-ходжу, приставив к виску пулямёт, расстреляли!»)...

Однажды в далеких 60—70 гг. прошлого века, будучи уже повзрослевшим пионером-школьником, кивнув на экран телевизора, я привлек внимание своей родной бабули к кадрам из кино-хроники:

— Ана-ана, бинет: Ленина нишод додаштен! («Вот-вот, смотрите: Ленина показывают!»)

Бросив коротко убийственный взгляд на лысого вождя, она лишь тихо процедит сквозь зубы:

— Илохим хонед сўзад, чувонимарги балышевой... («Чтоб / твой / дом сгорел, проклятый большевой...»)

— А ведь, она оказалась права. — обратит внимание на пророчество бабушки мой приятель. — От большевиков и их страны даже точки не осталось на политической карте мира!

— Да, всё так... — печально улыбнусь я ему в ответ — Но ведь, бабушка до этого события не дожидилась...»

(А. Иноятов)

«Брат мой, являлся отчасти продуктом той ещё, старой буржуазной системы, который не успел толком, по-настоящему, заразиться коммунистическими идеями и лозунгами, и у которого, по всей вероятности, был приобретён стойкий иммунитет против любой пропаганды и идеологии. Очень возможно, что всё это ему передалось с генами от предков, и в первую очередь, от моей тихой и неприметной бабушки (по материнской линии), прекрасно помнившей

приход большевиков и захват войсками М. Фрунзе старой Бухары осенью 1920 года.

– Мучико ождан! («Мужики пришли!») – это словосочетание накрепко останется у неё в памяти до конца своих дней, поскольку, именно в этот период, бухарицы любыми способами постараются вывести своих жён, сестёр и дочерей за пределы города (в окрестности и кишлаки), избавив тем самым свои семьи от насилия и позора со стороны пришедших «освободителей».

И, если моё поколение, будучи первоклассниками, на полном серьёзе гордилось октябратской звёздочкой, а потом – в четвертом классе – искренне рыдало, если не находило своей фамилии в списке претендующих, носить гордое звание «пионер», то поколение моего брата лишь снисходительно посмеивалось над колдовскими обрядами и шаманскими ритуалами советских неофитов. Нет: там, конечно-же тоже, хватало своих «навликов морозовых» и просто, верящих в светлое будущее. И – тем не менее – среди отдельных учеников были и такие смыслённые ребята, которые прекрасно понимали, что переть против огромной идеологической машины им явно не по плечу. А потому, приняв правила игры и стиснув зубы, они также как и остальные, были вынуждены носить на груди эти непонятные атрибуты и символы.»

(Г.Саидов)

Между прочим, в 2020 г. Бухара «отпраздновала» своеобразный юбилей, если исходить из «советского летосчисления»: ровно 100 лет тому назад, а именно – 8 октября 1920 года – большевиками была провозглашена Бухарская народная советская республика – Чумхурии Халкии Шӯравии Бухоро – государство, возникшее после ликвидации Бухарского эмирата 2 сентября 1920 года. Которое просуществовало всего 4 года. После чего, в сентябре 1924 г. V Бухарский Курултай Советов, приняв решение о преобразовании Бухарской Народной Республики в Социалистическую, вынесет решение «О национально-государственном объединении народов Средней Азии». В решении провозглашалось, что поскольку «воля трудового народа – закон Советского государства», то V Всебухарский Курултай Советов торжественно объявляет «Верховную волю народов Бухары – узбеков и таджиков – о создании ими (совместно с узбеками Туркестана и Хорезма) Узбекской Социалистической Советской Республики, частью которой является автономная область таджиков». В особом Пункте решения V Бухарского Курултая Советов говорилось, что Курултай «устанавливает решительную необходимость для социалистического Узбекистана и Туркменистана – в целях социалистического строительства, обороны от империализма и по международному братству трудящихся – примкнуть к Союзу Советских Социалистических Республик».

Таким образом, вместо существовавших трёх ханств (Хо-

резмского, Бухарского, Кокандского) плюс Туркестана, решением большевиков (в результате национально-государственного размежевания) на территории Средней Азии вскоре возникнут несколько союзных республик, которые «добровольно» волеются в «дружную семью народов СССР». Ну, а после распада СССР (в 1991 г.), эти самые республики превратятся в независимые страны (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Казахстан).

Возвращаясь же к истокам возникновения новой – советской – Бухарской республики, необходимо отметить, что в среде самих местных революционеров и реформаторов возникнет немало принципиальных споров и существенных трений по поводу видения будущего Бухары.

Помимо БКП (Бухарской Коммунистической Партии), одним из лидеров которой являлся Абдулкадыр Мухитдинов, в свержении эмира в Бухаре принимала участие также и организация младобухарцев-революционеров во главе с Файзуллой Ходжаевым. Между БКП и этой организацией существовала своего рода конкуренция. Все молодые реформаторы были выходцами из зажиточного сословия купцов, получили своё образование в Турции и являлись в основном сторонниками джадидизма («обновленчество»).

Абдулкадыр Мухитдинович Мухитдинов – видный и активный государственный деятель революционного движения, заместитель председателя БКП. На момент ареста на-

родный комиссар снабжения Узбекской ССР, ранее первый председатель СНК Таджикской АССР. Позже будет обвинён в буржуазном национализме.

Файзулла Ходжаев (возглавлял правительство Бухарской Народной Советской Республики /1920 – 1924/ до момента её вхождения в состав Узбекской ССР, а после был назначен председателем Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР /1924—1937/), являясь сторонником создания Велико-го Туркестана (вдохновленный идеями Ататюрка), на все резонные доводы его оппонентов (в числе которых были А. Мухитдинов, М. Ашрафи, А. Алиев... справедливо полагая, что предание забвению родной письменности и языка неизбежно повлечёт за собою и смерть государства как такового), открыто заявлял: «Нет такого языка!» (читай «персидского») – мол, он пришел к нам из Ирана. Несмотря на то, что со временем, будет доказано совершенно обратное. Но, как известно, уже будет поздно: когда Ф. Ходжаев – согласно пророческим словам отдельных революционеров («Революции пожирают своих детей» – приписывается Ж. Дантону) – сам вскоре попадёт в жернова большевистской мясорубки и будет расстрелян в рамках «бухаринского процесса» по делу «антисоветского право-троцкистского блока» (в 1938 г.)

Народная память в свойственной ей жестокой и язвительной манере обыграет деятельность отдельных «героев», охарактеризовав и подытожив их революционный пыл: ещё долгое время в среде бухарцев будут передаваться из уст

в уста сочинённые экспромтом стишки-прибаутки, полные иронии, сарказма и усмешек.

*Гави гавлоқ Муҳиддин,
Файзулло хўча, ту бе дин:
Модарата фуруҳти,
Бухороя ба урус доди.
Аввал ҷаҳонгир меши,
Баъд – ҷавонмарг меши!*

*Муҳиддин, ты бык и мерин,
Файзулла ходжа – без веры:
Сперва мать свою продал,
Русским Бухару ты сдал.
Властелин вначале грозный,
Сдохнешь молодым позорно!*

О нации и языке

В контексте упоминаемой нами истории, невозможно обойти стороной также и ещё одну болезненную тему, как «узбеки» и «таджики» и несмолкающие споры, непосредственно возникающие уже в наши дни.

Согдийцы начали принимать ислам с приходом арабов в конце седьмого века, хотя на протяжении восьмого века существовало сопротивление арабам и их вере. Если история – это летопись битв, то битва на горе Муг стала определяющим моментом. Здесь, в 722 году Деваштич, согдийский царь, был захвачен и распят арабскими воинами хорасанского эмира Саида аль-Хараша.

Долгое время принято было считать, что согдийский язык не сохранился во втором тысячелетии. Однако открытие советскими этнографами отдаленной таджикской деревни со странным местным языком наводит на мысль об обратном. По словам этнографов, жители долины Ягноб говорят на языке, происходящем от согдийского.

Процесс начала формирования этноса, впоследствии ставшего основой узбекской нации, особенно активизировался в XI – XII веках, когда Средняя Азия была завоёвана объединением тюркских племён, возглавляемых династией Караханидов. Последней волной тюркоязычных кочевников, влившихся в состав населения этого района явились де-

штикипчакские узбеки, пришедшие в конце XV века вместе с Шейбани-ханом.

По последним генетическим генеалогическим тестированиям из Оксфордского университета, исследование показало, что генетическая примесь узбеков имеет промежуточное положение между иранскими и тюркскими народами с редкими монголоидными элементами³

Тюркская история часто рассказывается в рамках своего рода паттерна в истории Центральной Азии, делающего упор на различия и взаимодействия между кочевниками и земледельцами. Ранее представленная как простая дихотомия, она теперь признается за упрощение, а историки и этнографы проводят переоценку своих ранних характеристик народов и их образа жизни.

Ещё печальнее осознавать свою беспомощность, когда речь заходит о странах, образовавшихся на бывшем постсоветском пространстве. Стереотипы, сложившиеся относительно истории народов, заселяющих территорию современной Средней Азии, выглядят и вовсе удручающе.

Взять, хотя бы, такую проблему, как противопоставление одной нации другой. Она могла возникнуть только на поли-

³ A Genetic Landscape Reshaped by Recent Events: Y-Chromosomal Insights into Central Asia (англ.) // The American Journal of Human Genetics

тической почве, когда законные правительства были свергнуты и на смену им пришла ленинская гвардия, с её идеологической составляющей и, соответственно, вытекающим отсюда решением «о национальном размежевании...». С последующей политической чехардой, закончившейся в истинно большевистском духе – гонениями, репрессиями и расстрелами лучшей части народа. А затем к «стенке» встанут и сами исполнители, «старболы» и прочие «ленинцы».

Я рос и воспитывался в обыкновенной бухарской семье, а это означает, что начиная с колыбели, мог слушать исключительно таджикскую речь. Потом, уже став немного старше, также органично в наш дом вошли и остальные языки: русский, узбекский, татарский, еврейский. Потому, что наш 16-ти квартирный дом напоминал собою настоящий Вавилон: в этой «плавильной домне варилось» более десятка национальностей.

С детских лет, сколько я ни старался осилить узбекский язык, мне этого так и не удалось, о чем я теперь искренне сожалею. По «родному» языку (читай – узбекскому Г.С.) у меня стояла незаслуженно завышенная учителем «тройка».

А ведь, узбеки и таджики несколько столетий жили сообща, не делая никаких различий по этническому принципу. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно было заглянуть в любой из кварталов Бухары. Да что там – кварталы? На нашей лестничной площадке, состоящей из трёх квартир, жили арабы, узбеки и таджики. Причём, изъяснялись между

собою исключительно по-таджикски, как это и принято было издревле в Бухаре.

Отец мой, являясь номерклатурным работником государственного аппарата, работал заместителем редактора газеты «Бухоро хакикати» («Бухарская правда») – идеологического рупора местного Обкома КПСС.

Помню, как я доставал его мучившими меня вопросами.

– Почему в паспорте я записан как «узбек», хотя с самого рождения все мы говорим по-таджикски?

В такие минуты, он неизменно хмурился, заслонялся от меня газетой и говорил мне, чтобы я поменьше задавал «ненужных» вопросов, а лучше шёл бы, учить свои уроки. И его понять можно: ещё свежи были в памяти мрачные картинки из детства, когда за его дедом являлись brave молодые в «кожанках» и упекут последнего в кровавые подвалы НКВД. Этот страх навсегда войдёт в кровь и плоть не одного поколения наших родителей. А затем, словно по наследству, достанется и на нашу долю.

Один урок я выучил на всю жизнь: политика – это грязь, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сегодня мне искренне жаль оба несчастных народа, которые на протяжении всей истории мирно сожительствовали рядом, «перевариваясь в общем котле» истории и дополняя друг друга своими лучшими качествами, пока на арену мировой истории не выскочили безответственные политики и волна оголтелого национализма и шовинизма захлестнёт

этот несчастный регион.

Теперь, одни интеллектуалы плачут, что у них отняли Бухару и Самарканд, другие же – вынуждены изворачиваться и придумывать всякого рода легенды, притягивая факты «за уши», чтобы хоть как-то оправдаться в глазах у непредвзятого историка. У итальянцев есть в ходу неплохая поговорка: «Время – самый честный человек». Что ж, к сказанному вряд-ли можно что-то добавить.

Разве лишь, отметив тот факт, что прямо на наших с вами глазах продолжается сознательное уничтожение некогда уникальной цивилизации, давшей мировому сообществу такую плеяду известных имён, как: Фараби, Бухари, Рудаки, Ибн Сина, Беруни, Дакики, Фирдоуси, Руми, Саади, Шерози, Хайям, Низами... И ещё многих и многих прославленных мужей, которых объединяло одно – язык и письменность. То есть, произведения всех перечисленных выше личностей были написаны на языке фарси на основе арабской графики. И эта связь, как пуповина, связывала неразрывно народ со своей историей и культурой.

Таким образом, ушлые большевики очень быстро догадаются, что без серьёзного хирургического вмешательства тут не обойтись: тут нужна такая ампутация, чтобы клиент никогда бы не смог встать на ноги. И они рубанули под самый корешок, отрезав плодоносящий ствол и лишив последующие поколения своей родной письменности. Объявив (в 1920-х гг.) всю литературу на фарси, на основе арабской графики

ки – контрреволюционной и заменив её сначала на латиницу, а уже в конце 40-х и вовсе, перейдя на кириллицу. Отрезав, таким образом, огромный пласт народа от своих кровеносных вен – источников родной письменности. В конечном счёте, лишив народ собственной памяти и сделав последующие поколения настоящими инвалидами. Причём – заметьте – сделано всё это было сознательно.

Для того, чтобы россиянин смог для себя отчётливо представить весь ужас содеянного, приведём лишь одно небольшое сравнение. Представьте себе, что вам объявляют о том, что (к примеру) с завтрашнего дня кириллица в России отменяется и все поголовно переходят на арабицу. Все книги, написанные на кириллице и прочих славянских языках отныне будут считаться контрреволюционными.

«Бред какой-то... – усмехнётся, возможно, кто-либо из наших читателей – А как быть с Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским, Толстым? Вы что там, с ума все походили?!»

Но ведь именно ЭТО было проделано большевиками с одной из древнейших цивилизаций! А потом и вовсе, исполюсовав по-живому телу Средней Азии и нарезав (один бог ведает, по какому принципу?) на скорую руку границы вновь созданных республик. В результате чего, такие крупные центры (с преимущественно таджико-язычным населением) как Бухара, Самарканд, Карши... окажутся на территории только что созданного Узбекистана. В 1924 году в составе Уз-

бекской Советской Социалистической Республики будет образована Таджикская Автономная Социалистическая Советская Республика. К ней отойдут (в основном) горные районы некогда восточной части Бухарского ханства. И лишь только в 1929 году её великодушно преобразуют в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику. Ну, а уже после развала Союза, все эти советские республики объявят о своей независимости.

Если же говорить о более близких к нам по времени событиях, то, для любого государственного строительства нужны были народности. Тогда как в среднеазиатском регионе, в отличие от европейской части России и Кавказа, этническая ситуация, была довольно сложной и запутанной. Попросту говоря, в Средней Азии в начале XX в. не было этнических групп, которые были бы способны в тот момент сыграть роль определяющей нации при реализации идеи национально-государственной автономии. Как и не было четких этнических границ внутри самих этносов, населяющих бывшие три ханства и Туркестан.

Что же касается конкретно Бухары, то, по воспоминаниям наших бабушек, при жизни которых собственно и произошло известное постановление большевиков «О территориальном размежевании среднеазиатских республик» (от 4 июля 1924 г.), никакого понятия о «таджиках» и «узбеках» среди коренного населения бухарцев в те

времена не существовало: в подавляющем большинстве (при опросе: «Ты кто – таджик или узбек?») местные отвечали:

– Моҳо мусульмон, альхамдулиллох! («Мы мусульмане, слава Аллаху!»).

На подобные ответы, опрашивающие справедливо возражали:

– Но ведь, такой национальности нету?!

После чего, местные оправдывались:

– Моҳо форс-забон («Мы – персыязычные»).

Ушлые опросники уточняли:

– Набошад, шумо эрони ми? («Следовательно, вы – иранцы?»).

На что, многие из опрашиваемых мгновенно реагировали (отождествляя понятия «иранцы» и «иран» с «шиитами» и «шиизмом»):

– Не-не-ю!» («Нет-нет... /Что, вы!/») – и, таким образом, в конечном счёте, были согласны на то, чтобы их записали как узбеков. Так что все эти понятия и разделения по национальному признаку войдут в быт значительно позже, уже в советскую эпоху.

С приходом ислама (который, как известно, насаждался насильственно «огнём и мечом»), арабы, совершенно естественным образом, стремились также и распространять свою культуру: обычаи, традицию и язык. Это сейчас под словосочетанием «арабский мир», принято понимать чуть ли не все

страны Ближнего Востока, несмотря на то, что история каждой из этих стран существенно отличалась от истории бедуинов Аравийского полуострова. Взять, к примеру, хотя бы тот же самый Египет, коренное население которых в значительной степени было заселено коптами и христианскими племенами. Или местных жителей Ливана, предки которых восходят своим корнями к финикийцам. Однако с распространением новой мировой религии, прежние верования и обряды этих стран значительно нивелировались, а в ряде случаев были и вовсе стёрты из памяти народа под воздействием влияния идеологии победителей.

То же самое можно отметить и в отношении Ирана, когда в эпоху нашествия арабов (VII – VIII вв. н.э.), окончательно пала персидская держава Сасанидов и на смену средне-персидскому языку, пришёл арабский, в корне изменив не только письменность и алфавит, но и утвердившийся в качестве официального и государственного.

Первыми, кто осознал, что без родного языка не может состояться и государственности, были Саманиды. Внешне приняв ислам и по-прежнему оставаясь формально в зависимости от арабского халифата, местные правители, тем не менее, оставались приверженцами своих обычаев и традиций, многие из которых живы и по сей день, и восходят своими истоками к зороастризму (см. главу «Туй» – «Домод-бари»). И именно при этой династии создаётся тот придворный язык «дари», который наряду с арабским будет считаться государ-

ственным. Более того, как исключение из правил, на этом языке высочайшим указом будет дозволено читать «Слово Божие» – священный Коран. То есть, эта книга будет переведена на персидский язык. И это несмотря на то, что *«Возистину, Мы сделали его Кораном на арабском языке, чтобы вы могли уразуметь»* (Коран, 43:3).

В этой связи, как нам кажется, будет нелишним привести версию Ричарда Фрая из его книги «Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры»:

«Возникло множество споров по поводу термина „дари“, использовавшегося многими источниками для описания персидского языка этого периода. Некоторые исследователи зашли так далеко, что утверждают, будто на самом деле это другой язык, возможно наследник парфянского или согдийского. Однако более вероятно, что дари, преимущественно придворный язык, на самом деле являлся упрощенным стилем новоперсидского без примеси арабских слов, тогда как термин „фарси“ в этот период использовался для обозначения новоперсидского, сильно обогащенного арабскими словами и скорее изысканного, чем упрощенного».

Таким образом, вопреки отдельным предположениям и высказываниям о том, что дескать, персидский язык пришёл на территорию Мавераннахра с запада (то есть со стороны Ирана), на самом деле произошло всё с точностью наоборот. Именно отсюда этот язык распространится не только на запад, до Исфахана и Багдада (Иран, Ирак), но и уй-

дёт далеко на юг и юго-восток (в Афганистан, Пакистан, Индию...).

Вот, что писал по этому поводу узбекский ученый Ш. Шамуратов в своих научных трудах «Маликушшуаро Бахор». (Жизнь и творчество). Изд.«Фан» Узбекский ССР, Ташкент-1967г.,:

«...классический персидский язык – язык дари, сформировался не в западном Иране, а в восточном Иране, изначально в Средней Азии, в Бухаре, Самарканде, где он развился до уровня литературного языка, позднее он распространился на южные и западные районы Ирана».

Вплоть до так называемой революции 1920 г., несмотря на многочисленные тюркские династии, которые завоёвывали и правили потом Бухарой, государственный язык, тем не менее, оставался персидским. Чего стоит лишь одно упоминание о терминологии и названии придворных помещений, обозначении атрибутов власти до наименований предметов быта в главной цитадели правителей города (см. книгу авторов Андреев М. С., Чехович О. Д. «Арк /кремль/ Бухары в конце XIX – начале XX вв.», Душанбе, 1972)

И не случайно, что когда, во времена правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, иранцы вернутся к попыткам, очистить свой язык от иностранных слов и многих арабизмов, то в поисках источника, они вынуждены будут обращаться в сторону Бухары, совершенно справедливо полагая, что современный фарси мог возникнуть исключительно из дари,

на котором, кстати, и был написан знаменитый эпос А. Фирдоуси «Шахнаме».

Кстати, несколько слов об этой поэме и его авторе.

«Байсангурово Шах-наме» от 1430 года написано для внука Тимура (1336—1405) мирзы Байсанкура (1399—1433)

Считается, что первоначально этот величайший труд было поручено – не менее известному – таджико-язычному классику Дакики, современнику Фирдоуси. Однако (по одной из версий) он будет убит своим рабом и по этой причине не закончит свою работу. По словам Фирдоуси, он включил в своё произведение написанные Дакики 5 тысяч бейтов (двустипшие, состоящее из 2-х строк), то есть 10 тысяч строк.

По истечении 30 лет, Фирдоуси закончит свою поэму и преподнесёт её утвердившемуся (на тот момент) на троне Махмуду Газневи со словами: «Когда я только начинал свою работу над этим трудом, Саманиды обещали, за каждую строчку моей поэмы выдать по золотой монете». Однако, правитель, ознакомившись с этим воистину колоссальным трудом, не счёл его достаточно совершенным и потому, вместо золотых динаров предложит автору... полный кубок вина. После чего, оскорблённый в своих чувствах автор сочинит убийственную сатиру на Махмуда Газневи, где в частности напишет:

*Тридцатилетний труд мой даром не пройдёт.
Иран, воспетый мной, величье обретёт!*

*Я подвиг совершил, однако, царь Махмуд
В невежестве своём отверг великий труд.*

*Другой бы, не найдя наград – отдал бы трон!
А царь Махмуд шербет мне подал... Жалок он.*

*...Нет проку озарять бездарного венцом:
Холоп в нём не умрёт, будь трижды он царём.*

*...Я родину свою в стихах берёг от зла,
Чтоб справедливость в ней навеки расцвела.*

*Чтоб по пути добра шёл царь и весь народ.
Чтобы властитель мог всё видеть наперёд.*

*Чтоб вечно помнил царь: народа он слуга.
Что, выбрав этот путь, – переживёт века!*

*Но, вижу: властелин к речам извечным глух.
Так пусть горит в огне его смердящий дух!⁴*

Сказывают, что когда эта сатира дошла до правителя газневидов, то он был так разгневан, что велел бросить автора под ноги слона. Однако великий поэт, заранее предвидя свою участь, бежал от неблагодарного государя. Как бежали и многие другие в то время учёные, в том числе и Авиценна. Его место займёт не менее известный учёный Беруни, получивший свой псевдоним из-за того, что не вышел «благородством происхождения», родившийся «за стенами горо-

⁴ Сатира А. Фирдоуси на султана Махмуда в виде приложения к «Шахнаме».

да» («аз беруни калъа» перс.) «снаружи», «вне стен города, крепости».

Широко распространена довольно потрясающая легенда о том, как со временем, оценив по достоинству творчество Фирдоуси, один из правителей прикажет, набить тюки золотом, и отправить караван в Тус, где на тот момент оканчивал свои дни опальный стихотворец. И вот как летописец заканчивает своё повествование: «В одни ворота Туса въезжает караван, набитый золотом и драгоценностями, и в это же самое время, из других ворот медленно выходит похоронная процессия – в последний путь провожают великого поэта Абулькасима Фирдоуси.»

Из истории изъятия монет

Основной разменной монетой Бухарского ханства и Бухарского эмирата с XVI века до начала XX века являлась «танга», которая состояла из сплава меди («мис») и серебра («нукра»). В разные периоды её вес и состав был различным. Следует также отметить, что наряду с тангой, имели хождение медные («пуль», «фулс») и золотые («тилло», «олтин», «ашрафи»). Выпуск золотых монет был нерегулярным, что впрочем вполне понятно и объяснимо.

Существенная денежная реформа, была предпринята эмиром Шахмурадом, пришедшем к власти в 1785 году. Были изменены: вес, проба, размер, техника чеканки, содержание надписей на монетах. Вес таньги был установлен в 7/10 мискаля (3,36 г). К 1868 году, когда бухарский эмират попадает в вассальную зависимость и становится протекторатом Российской империи, финансовое положение меняется.

В 1890 году издаётся указ Александра III «О постепенном изъятии из обращения туземной серебряной монеты, обращающейся в Туркестанском крае». Для обмена устанавливались сроки: до 1 мая 1892 года монета принималась по курсу 20 копеек за одну таньгу; до 1 мая 1893 года – по 15 копеек; до 1 мая 1894 года – по 12 копеек; до 1 мая 1895 года – по 10 копеек. 1 сентября 1893 года Министерства финансов

издало распоряжение о запрещении вывоза бухарской таньги в Туркестан. После запрещения вывоза курс таньги стал в большей мере зависеть от русских бумажных денег. Скопившееся в бухарской казне и у частных лиц серебро резко упало в цене. В результате разразился денежный кризис, который и дал повод русскому правительству настаивать уже на полном прекращении чеканки таньги, чтобы урегулировать её курс.

Бухарская таньга времён эмира Ахад-хана. 1892—93 гг.

Вызванное Первой мировой войной расстройство финансов России затронуло и Бухару. Была начата чеканка медных и латунных монет номиналом от 1/2 до 20 таньга. В 1920 году чеканка была прекращена. В 1918 году был начат выпуск бумажных денег эмирата. Деньги печатались вручную, при-

кладывая штампы к бумаге.

В 1920 году была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика. Правительство республики продолжило выпуск бумажных денег, однако теперь они выпускались в рублях. Денежное обращение Бухары этого периода было очень пёстрым. В обращении, кроме бухарского рубля, находились самые различные бумажные и металлические деньги. Серебряная бухарская таньга также продолжала использоваться. Даже после двух денежных реформ (1923 – унификация денежного обращения, когда валютой Бухарской и Хорезмской республик стал рубль РСФСР, 1924 – введение советского червонца) в 1925 году таньга ещё принималась финансовыми учреждениями Узбекистана в уплату налогов.

С приходом Советской власти, ситуация в сфере финансов (по понятным причинам) резко изменилась, а потому о мало известном периоде «изъятия у населения золотишка и прочего барахлишка», помнят лишь наши деды и прадеды. Этот период, пришедший на конец 20-х – начало 30-х годов XX столетия, навсегда сохранится в памяти народной и запомнится коренным бухарцам одним коротким, но ёмким определением – «тиллогири» («изъятие золота»).

Понятное дело, что рядовому жителю было приятно и привычно иметь дело с настоящими монетами, а потому, даже у самого «последнего» бухарца всегда водилась денежка, будь это медные монеты, серебро или золото. Однако, как

известно, подобное отношение шло вразрез с установками партии и правительства, которое, «проявляя заботу», срочно нарисовало населению бумажные банкноты, изымая взамен (насильственным путём) «ненужные» и чуждые для рядового пролетария и дехканина золото и серебро.

На эту тему сохранилось немало историй – от трагических до курьёзно-комических – которые известны почти в любой бухарской семье.

К сожалению, прадед одного из соавторов данной книги, как и многие рядовые бухарцы, происходящие из среднего интеллигентского сословия, был репрессирован и закончил свой жизненный путь в ташкентской тюрьме Занги-Ато, в 1938 году.

По воспоминаниям моей бабушки, его арестовали и увезли в чекистский подвал для допроса. Целых два дня о нём ничего не было известно. Но когда на третий день прадед Саид, в сопровождении здоровенных «костоправов», перешагнёт порог дома, невестка (моя бабушка) его не узнает.

– Я как раз в это время, закинула мясо в казан... – рассказывает бабушка и с изумлением припоминает – И тут вдруг твой прадед (этот воспитанный, культурный и благородный до мозга костей!) ... жадно выхватывает одной рукой прямо из кипящего казана приличный кусок мяса и, судорожно отправив его себе в рот, другой рукой указывает на место, где

следует копать. После чего, его вскоре вновь забирают в подвал...

Подобных историй можно привести великое множество, они сохранились в памяти практически любой бухарской семьи. Все они в чём-то схожи между собой – от трагических до курьёзных случаев – отличаясь друг от друга лишь немногим, в деталях...

Рассказывает бывший бухарец, сбежавший в своё время в Афганистан:

Ситуация в ту пору накалилась настолько, что люди откровенно боялись друг друга и соседей по округе. Участились случаи клеветы и доносов, ну а поскольку у каждого коренного жителя Бухары всегда имелась какая-никакая «денежка», то «расколоть» и вынудить сознаться, можно было любого. Так, однажды кто-то из соседей донёс в НКВД на скромного парикмахера, стригшего и обслуживающего жителей небольшого квартала.

Заплечных дел мастера ещё и толком не начали по-настоящему пытаться свою жертву, сунув ему под зад настольную лампу, как несчастный не выдержав, раскрылся: «В углу внутреннего дворика закопан горшок со 100 золотыми монетами!»

Тогда, славные чекисты, сделав перерыв, отправились к своей жертве домой и в указанном месте действительно откопали горшок. Но... пересчитав и обнаружив, что

монет не 100, а 120, вновь вернулись к пыткам, дознавая у несчастного:

– А теперь покажи, где хранится горшок со 100 монетами!

Впрочем, изымались не только монеты, но и ценные книги, восточные манускрипты и прочая литература, написанная арабской вязью на таджикском языке, так как и она была объявлена новой властью «контр-революционной». Многие жители, боясь ареста, стали закапывать свои книги, скидывать в реку, а некоторые даже откровенно уничтожать, стремясь избавиться от «улик».

Так однажды, казначей эмира бухарского был арестован и посажен в тюрьму только за то, что служил казначеем в Арке. По истечении срока, выйдя на свободу, он попросит разрешения у властей на то, чтобы совершить хадж в Мекку. И получив согласие, возьмёт с собою в дорогу лишь самовар и одну-единственную книгу – Коран.

В данное время этот уникальный экземпляр Священного писания хранится в Лондонском музее и стоит несколько миллионов долларов. А внук этого казначея, в настоящее время проживает в Нью-Йорке и увлекается коллекционированием картин старых мастеров. Он является известным специалистом и экспертом в области голландской живописи второй половины XVII века.

С распадом Союза, он посетит Бухару и даже предложит

местным властям выделить деньги на постройку бухарской школы, в которой молодое поколение бухарцев смогло бы изучать свою собственную историю и читать в подлиннике классиков суфийской лирики. Однако власти отклонят его предложение.

Плоды самосознания

На волне горбачевской «перестройки» и «гласности» Союз, словно карточный домик, вскоре стал быстро разваливаться. Известным итогом явилось повальное провозглашение «независимости» бывших республик.

«Мустакиллик» («Независимость») – это малоизвестное советскому узбеку слово, стало в одночасье родным и близким, обретя вполне осознанный смысл и образ. И, если у незначительной части оставшейся интеллигенции, искренне желающей своей стране процветания и прогресса, добродушная улыбка застыла в саркастической гримасе, то о народе в целом этого не скажешь. Здесь, так же, как и в России, и в других республиках, «долгожданный воздух свободы и демократии» окончательно вскружил головы простым людям, напрочь лишив их остатков благоразумия. Каждый, вдруг почувствовал себя, если не баем, то уж, по крайней мере, значимой единицей, от которого, теперь, многое зависит в родной отчизне.

1992 год. Автобусная остановка. Как всегда, набитый

до отказа автобус, не решается сдвинуться с места, пока створки дверей не сомкнутся. На нижней ступеньке «висит» русская женщина внушительных габаритов. Сзади, плотно прижавшись к ней, пытается втиснуться местный колхозник с мешком. Двери никак не хотят закрываться, толпа терпеливо ждет, обливаясь потом, а бедная дама покорно сносит все попытки штурма. Грубый холщевый мешок безжалостно терзает её новые колготки. Наконец, она не выдерживает и, с трудом повернув шею, раздраженно бросает своему «насилънику»:

– Ну, куда ты прёшь?! Куда лезешь?!!

На что тот, не обращая внимания на её протесты, упорно продолжает пыхтеть, бормоча себе под нос:

– Мелезум: ватани худум, мелезум! («Влезу: своя родина, войду!»)

Бухара: старое и новое...

5

⁵ Довольно странный, на первый взгляд, симбиоз русского и таджикского языков. «Даромадан» (тадж.) – «войти» – неопределенная форма глагола. «Медаром» означает – «войду», «влезу». В данном случае, пролетарское сознание продемонстрировало уникальный подход к грамматике: первый слог и окончание изъято из родного языка, а середина заимствована из русской речи. Но самое удивительное и парадоксальное заключается в общем контексте высказывания: мол, теперь я, всё равно, по-всякому влезу, и буду прав, поскольку это моя страна и я тут являюсь хозяином.

Часть II – Памятники архитектуры

Бухарский Арк. Фото С. М. Прокудина-Горского, нач. XX в.

Пожалуй, только два города в Средней Азии сохранились как города-музеи, предоставляя изумлённому взору туриста

почти в нетронутном виде, не только отдельные памятники архитектуры, но и целые комплексы, ансамбли и кварталы с их каркасными глинобитными домами, узкими улочками, на которых по-прежнему с трудом едва могут разъехаться два осла, запряжённых арбой, словом, со всей инфраструктурой. Не случайно они являются городами-заповедниками. Это Хива и Бухара. Ну, а если считать по количеству памятников старины, то Бухара, вне всякого сомнения, стоит на первом месте.

Родившись и прожив в Бухаре много лет, мы и не предполагали, в каком уникальном городе судьба предоставит нам местожительство. Древние памятники архитектуры настолько примелькались глазу, что мы их почти не замечали, не находя в них ничего особенного. Играя со сверстниками в прятки, мы иногда забежали в какое-нибудь старинное медресе или полуразрушенную мечеть и, спрятавшись от приятелей за старинным камнем, даже не догадывались – сколько тайн хранит в себе этот камень и свидетелем каких событий ему предстояло быть. Сейчас, спустя почти полвека, нам почему-то вновь захотелось поделиться с вами об этом.

В детские годы мы – мальчишки – босиком бегали на спор по раскалённым улочкам старой Бухары, соревнуясь, кто из нас дольше вытерпит и не свернёт с жуткого солнцепёка в тень. Пятки нестерпимо жгло, на глазах наворачивались слезы, которые мы тщательно обязаны были скрывать

от презрительных усмешек товарищей, ибо это означало самую низшую степень позора; до заветной цели было ещё так далеко, но мы не смели никуда свернуть, поскольку за нами зорко наблюдали остальные. И только путём невероятных усилий добежав до заветного финиша и зайдя в какой-нибудь закуток, где нас никто не мог увидеть, мы от души давали волю своим стонам и слезам, мучаясь и корчась от боли, но при этом, ощущая гордость за то, что не оказались в числе позорных нытиков и слабаков.

И вот сейчас, спустя почти полвека, мы вновь стоим на той же самой улочке и грустно улыбаемся, глядя вдаль и намечая для себя очередную воображаемую финишную линию. Сумеем ли на этот раз до неё дотянуть?

Цитадель Арк

Вынуждены чистосердечно признаться: ну, не были мы на экскурсии по Арку ни разу в жизни! Каемся. Сотни раз заходили туда, десятки раз взбирались по его полуразрушенным стенам, тогда ещё не облицованным обожжённым кирпичом, а вот на экскурсии не были ни разу. Что ж, сегодня представилась возможность, исправить свою ошибку и восполнить пробел в образовании, поскольку мы вместе с вами пройдемся в сопровождении экскурсовода по территории старой цитадели и заодно выведаем малоизвестные страницы из истории этого замечательного памятника архитектуры. А гидом любезно согласился быть сотрудник Арка **Курбанов Бехруз**.

Итак, предоставляем слово ему.

Цитадель Арк является самым древним памятником Бухары. Следует отметить, что вообще, древние восточные города состояли как бы из трёх частей: первая часть это цитадель – крепость, вторая – это мадина, или шахристан, то есть непосредственно сам город, который располагался вокруг крепости и третья – это, так называемые рабаты, то есть предместья, за крепостными стенами, где располагались различные мастерские, базары и т. д.

Таким образом, Арк можно отнести к первой части,

где располагались дворец эмира, административные здания и различные госучреждения. Цитадель Арк была построена в IV веке до нашей эры и по результатам археологических находок, проведённых в конце XX-го столетия, а точнее в 1997 году было установлено, что Бухаре 2500 лет.

По легенде Арк был построен сыном иранского правителя Кейкауса – Сиявушем. Он был отвержен своей мачехой и бежал из Ирана в Туран. Тураном же в то время правил царь по имени Афрасиаб, у которого была дочь. Сиявуш влюбляется в неё и просит у отца девушки её руки. Афрасиаб ставит условие: построить дворец, размером с воловью шкуру. Однако Сиявуш не растерялся и проявил хитрость: он разрезал воловью шкуру на тысячи тончайших полосок и, соединил их между собой. Таким образом, образовалась внушительная площадь, на которой и был построен Арк. Примеров истории подобной этой, можно найти во многих других легендах. В частности, немало параллелей можно обнаружить и в легенде о том, как финикийская царица Дидона построила Карфаген.

Позднее, между Афрасиабом и Сиявушем возникает вражда, вследствие чего Афрасиаб приказывает убить Сиявуша, который похоронен возле восточных ворот Арка, которые назывались «Гүрийн». Поэтому каждый новый год («Наврӯз») по зороастрийскому календарю (21 марта) каждый бухарец приходил сюда и приносил в жертву петуха, а женщины пели особые песнопения, которые назывались

«плачем мугов». ⁶ Также в одной из ниш располагалось святое место, где в память о Сиявуше ставили горящую свечку. Таким образом, каждый бухарец считал Сиявуша как бы основателем Бухары.

Позже дворец пришёл в запустение и разрушился. И только в V веке нашей эры, во время правления бухар-худата Бидуна, дворец заново перестраивается, но держится недолго. И сколько бы ни перестраивался, он постоянно разрушался. Тогда бухар-худат собирает своих приближенных, учёных и магов и советуется с ними. И они предлагают ему построить дворец, основанный на семи столбах, расположенных в форме, напоминающей созвездие Большой медведицы. В таком виде он и сохранился до наших дней.

Общая площадь Арка составляет 4 гектара. Общая окружность стен 786 метров. Можно сказать, что это был город внутри города: здесь был свой базар, своя мечеть, медресе и жилые строения. Некоторым чиновникам даже запрещалось выходить за пределы Арка.

Несмотря на то, что Арк был основан в IV веке, основные здания, сохранившиеся до наших дней, относятся в основном

⁶ Интересно провести параллели с произведением Платона «Федон», в которой рассказывается о смерти Сократа. По аналогии, последними словами этого мудрого философа были: – Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте. Асклепий (у римлян – Эскулап) – Бог врачевания греческой мифологии, воскрешал даже мёртвых. Петуха обычно приносили в жертву богу медицины за выздоровление. Возможно, великий философ хотел отблагодарить Асклепия за исцеление бессмертной души, которая наконец освободилась от оков тленного тела?

к XVI – XX векам. Таким образом, Арк, в том виде, в каком мы его сегодня можем видеть, сформировался при династии шейбанидов.

Прежде чем пройти через главные ворота Арка, с видом на площадь Регистан, установленные в XVI веке при Абдуллаханае, мы вынуждены подняться по пандусу, длина которого от 16 до 20 метров, а ширина от 3 до 5 метров. Затем мы попадаем в крытый проход, называемый долон. Арчевые перекрытия («болор») перестроены в 1894 году; до этого они были сделаны из карагача. По обе стороны дؤلона расположены ниши: 12 с одной стороны и 13 – с другой. Некоторые из этих ниш являлись своеобразной тюрьмой для особо опасных преступников. Так, в одной из этих ниш томился основоположник таджикской литературы Садриддин Айни, пока не был освобождён после свержения эмирского режима.

2 сентября 1920 года Бухара была завоёвана войсками Красной армии и вместо бывшего эмирата была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика. Поскольку при взятии Бухарской крепости Арк было использовано несколько аэропланов (по одной из версий, примерно с десятков), то территория Арка была на три четверти разрушена в результате бомбёжки.

Фото бомбёжки Бухары с аэроплана. Сентябрь 1920 г.

«Рўзи фирок» («день расставания») или «Қиёмат-и асфар» (т.е. «малый конец света») – именно такое определение будет дано местными жителями одному из самых трагических периодов в истории родного города. В эти дни, от бомбёжек, артобстрелов и просто, от рук «освободите-

лей», погибнут десятки тысяч мирных жителей. Ещё столько же (если не больше), оставят навсегда свой город, когда по просьбе младобухарцев, М. Фрунзе милостиво согласится открыть трое из одиннадцати ворот Бухары, позволив тем самым, мирному населению покинуть веками насиженные дома. Спустя ещё несколько лет, один из бывших красноармейцев, участвующих в штурме города (будучи уже эмигрантом), поведает на радиостанции «Свобода» о том, как «огромной вереницей, толпы людей, в богато разукрашенных одеяниях» будут покидать свой город, оплакивая свою горькую участь...

Пройдя крытый проход и повернув направо мы оказываемся перед небольшой мечетью и караульным помещением начальника стражи Арка (тупчи-боши). В его непосредственном подчинении находилось около 300 стражников, охраняющих Арк. Население же Арка к 1920 году составляло 3000 человек.

Для оправления ритуальных нужд мусульман в XVII веке по приказу правителя из аштарханидской династии Субхан-кули-хана здесь была возведена мечеть в традиционном для Средней Азии айванном стиле с колоннами. Само слово мечеть (масжид) происходит от семитского «маскита», то есть «священное место». Вообще, следует отметить, что порог мечети нужно переступить с правой ноги; предварительно подвергнув себя ритуальному омовению (тахов-

рат) и надев на себя чистое белье. В самой мечети не следует смеяться и громко говорить. В данной мечети имеются несколько входов с трёх сторон. Сделано это для того, чтобы верующие не толпились у одного входа, а могли свободно и беспрепятственно войти в мечеть с любой стороны. В любой мечети имеется центральная ниша, именуемая михрабом и обращённая в сторону священного камня Каабы, то есть в сторону Мекки.

Здесь, интересно отметить, что как раз напротив Арка расположена ещё одна старая мечеть, сохранившаяся до наших дней и именуемая как «масджид-и Боло-и хавз», которую некоторые трактуют, как «наверху пруда». Когда, на самом деле, подразумевается «мечеть для верхушки знати (для придворных)» – «дар боло будагихо», «бологихо» – то есть, «для тех, кто наверху». Впрочем, возможно найдутся опровержения и к данной версии...

Мусульманин обращается лицом к михрабу и, сосредоточив свои помыслы на Боге, совершает молитву. Вдоль стен мечети в картушах сохранились записи, сделанные арабской вязью на таджикском языке, из которых явствует, что последняя реставрация мечети проводилась по приказу последнего эмира Алим-хана из мангытской династии и оформление её должно было походить по подобию иерусалимской мечети аль-Акса.

Совсем близко от мечети находится реликвия, своими истоками восходящая к легендарному наставнику Сиявуша – богатырю Рустаму, из известной поэмы Фирдоуси «Шахнаме». По легенде, у Рустама была лошадь, которую звали Дульдуйль. Так вот, здесь сохранилась каменная чаша, из которой, согласно преданию, пила воду эта лошадь. Рядом находится символический «камень Рустама» («санги Рустам»), служащий орудием всевозможных упражнений богатыря.

Рядом, за стеной находится разрушенная часть Арка (почти 3 га), где в своё время располагались различные постройки: кухни, монетный двор, мечеть Чильдухтарон (букв. «сорок девишек»), построенная в XVIII веке в память о сорока девишках, погибших по приказу эмира Насруллы и брошенных в колодезь, хонако Баттол-Фози (XVIII в.) и другие. В настоящее время эта часть Арка является археологическим заповедником, и проход туда запрещён, поскольку это небезопасно⁷.

Если оставить мечеть по левую сторону и повернуть направо, то мы попадаем на главную улицу Арка, которая называлась «кўча» («улица») и ведёт к основным постройкам, расположенным на территории Арка. Пройдя совсем немного, мы подходим к перекрёстку («чорсу»). Справа находится конюшенный двор («саис-хона»), слева – коронационный зал («тахт-хона») и прямо – зал приветствий («салом-хона»).

⁷ Статья была написана в начале XXI в.

Вначале пройдем налево – коронационный или церемониальный двор.

Представители последней династии (мангытской) не являлись прямыми потомками Чингис-хана или Афрасиаба, а потому им не разрешалось использовать титул «хан», вот почему они использовали титул «эмир». По этой причине они не могли короноваться ни в Самарканде, ни в Кукташе. В середине XVIII века они построили коронационный двор под открытым небом в Арке. В конце XX столетия этот двор был реконструирован; к подлинным вещам, сохранившимся до настоящего времени относятся только колонны, сделанные из карагача и мраморный трон.

Церемония коронации происходила следующим образом. Ранним утром на возвышении расстилали белый войлок («кошма»). Из специальной двери выходил эмир в нарядных золотошвейных одеждах, садился на центр этого войлока. С четырёх сторон к войлоку подходили самые приближенные и уважаемые люди и поднимали его вместе с сидящим на нём эмиром и опускали на мраморный трон. Затем окружающие разделялись на две линии вдоль трона. В одну входили все высокопоставленные чиновники во главе с министром «кушбеги» (первый сановник Бухарского ханства и заместитель эмира при его отлучках из Бухары), а вторую – представляли 27 беков, то есть наместников областей бухар-

ского ханства.⁸

До последнего эмира Алим-хана, трона, в его современном представлении (стулообразного), не существовало: было просто мраморное плоское возвышение в турецком стиле. И только побывав в Ялте – резиденции русского царя – и возвратившись оттуда, эмир повелел сделать трон в классическом стиле.

⁸ Таков расклад лиц сложился при правлении последних эмиров. Ранее же, в обязательном порядке, на церемонии присутствовали все главы тюркских родов, благодаря которым мангыты пришли к власти. В старом мраморном троне можно даже обнаружить небольшие ямки-отверстия (по диаметру монет), куда новоиспечённый эмир вкладывал стопкой известное количество золотых монет (по числу родовых племён), которые затем вынимались и передавались представителям этих родов.

Стена «гуломгард» в коронационном зале Арка.

Сразу же у входа в зал находится своеобразная стена, называемая «гуломгард» (тадж. коридор, иногда ограждающая стена для слуг между внешним и внутренним двором), имеющая несколько значений. Во-первых, она заслоняла собою сам двор от того, что там происходило, то есть, от постороннего взгляда.

Согласно восточному этикету и мусульманским обычаям, не допускается, по окончании аудиенции поворачиваться спиной к царственной особе, а потому, гость вынужден был

пятиться назад к входу до самой этой стены. И лишь зайдя за неё, имел право развернуться.

История помнит роковую ошибку английского полковника Стоддарта, прибывшего в декабре 1836 г. к эмиру Насрулла-хану (годы правления 1827—1860), и посмевшего чуть раньше положенного развернуться спиной к эмиру, прозванному впоследствии в народе как «эмир-мясник» («амир-кас-соб»). Как известно, такая оплошность стоила дипломату жизни. Это произошло в 1842 году. Как выяснится впоследствии, основной целью миссии полковника разведки состояло в том, чтобы заключить союз с Бухарским ханством против царской России. Все попытки английского (и даже русского) двора – заступиться за дипломата – не смогли повлиять на решение, принятое жестоким правителем и в результате полковник был казнён.

Сбоку, с одной из сторон этого двора имеется дверь, которая ведёт в эмирскую кладовую («бухча-хона»). В ней хранились различные ткани, атласные стёганые одеяла («кёрпача»), халаты и др. До нашего времени сохранились вентиляционные шахты, проходящие сквозь потолок и выходящие наружу; видно, что эмиры рачительно и по-хозяйски заботились о своём добре, чтобы оно не было изъедено молью, тлёй и прочего рода насекомыми.

Выйдя из коронационного зала и повернув налево, мы попадаем в зал приветствий («салом-хона»). Каждое утро чи-

новники являлись сюда, чтобы предстать пред светлы очи эмира и доложить о состоянии дел в государстве. За день он принимал до трёхсот посетителей.

Эмир сидел боком; докладчику был доступен лишь профиль государя. Сам эмир почти не отвечал на доклады. по бокам, на некотором расстоянии от него стояли два церемониймейстера («удайчи»), в обязанности которых входило принимать доклады и рапорты. Между ними и докладчиком проходила черта, переступить которую последний не имел права.

Вполне резонно может возникнуть вопрос: для чего принимать столько много народа? Однако следует учесть, что помимо кушбеги и разного ранга чиновников, эмир имел хорошо отлаженную систему разведки, которая доносила ему информацию о настроениях в народе и о всякого рода интригах, происходивших в близком его окружении.

Поднявшись по ступенькам вверх, можно попасть в ещё одно помещение, в котором представлены различные карты и экспонаты, рассказывающие об истории Бухары начиная с первобытно-общинного строя и до конца падения бухарского ханства, то есть вплоть до 1920 года.

Мавзолей Саманидов

Мавзолей Саманидов, X в.

С мавзолеем Саманидов связывают личные, исключительно интимные впечатления, ничего общего не имеющие ни с династией, правившей Бухарой в IX – X вв., ни с архитектурой древнего города в целом. Просто, именно здесь, недалеко от мавзолея, в скверике мы провели с моим неразлучным приятелем Шавкатом незабываемые двое суток в об-

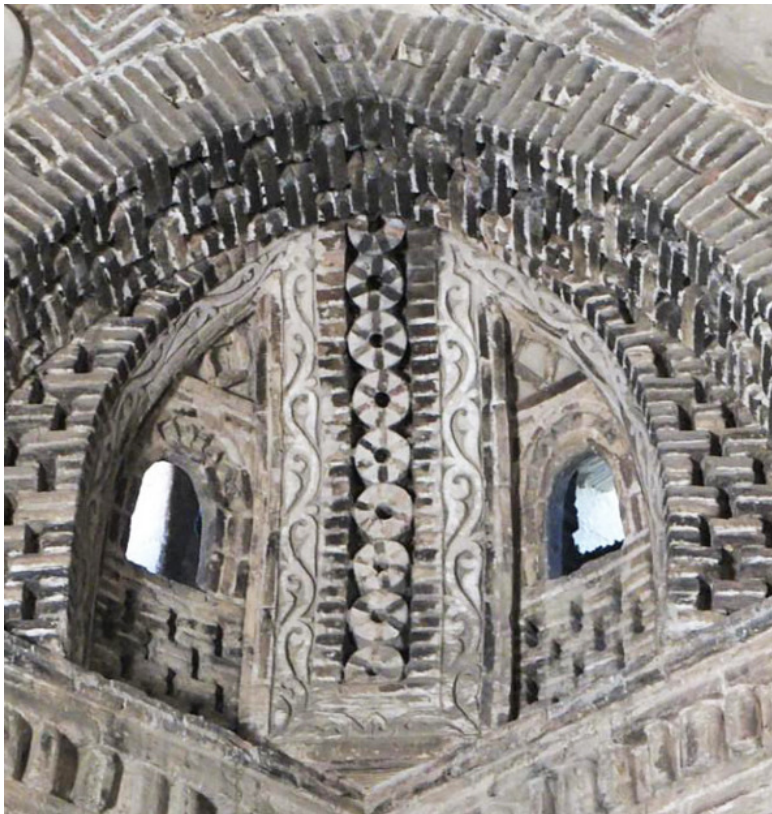
шестве двух симпатичных и милых француженок. Руководитель группы был в панике, а местная милиция и представители бдительных органов тщетно прочёсывали весь город в поисках пропавших туристок, которые напрочь забыли – какое сегодня число, месяц и год. А мы с товарищем, как вы уже вероятно догадались, в это самое время добросовестно и детально знакомили наших гостей со всеми остальными (довольно своеобразными) достопримечательностями и прелестями Востока...

Однако же, вернёмся к теме и продолжим разговор о тех же прелестях, но уже иного порядка.

Мавзолей является одним из самых древних памятников архитектуры, который входит в число памятников, находящихся под охраной ЮНЕСКО. Построен он был в конце X-го века и являет собою уникальное сооружение, подобных которому трудно сыскать во всем мире. Судите сами: мавзолей этот сооружён из жжёного кирпича, при строительстве которого использовалась оригинальная кладка.

Как любят напоминать гиды: «уникальная и неповторимая кирпичная кладка в X веке, когда не было даже деревянной Москвы!». Это непременно следует вставить. Тут уж ничего не поделаешь: любому городу, испытывающему скрытую зависть к столице, при мало-мальски предоставленной возможности, непременно хочется подчеркнуть и свою значимость. Впрочем, Бухаре претит данное качество, ибо она и сама некогда являлась столицей не маленькой империи.

Ну, а если говорить серьёзно, то памятник этот и в самом деле заслуживает того, чтобы встать в один ряд с шедеврами мировой архитектуры. Вынуждены признаться, что сооружений подобных этому памятнику не так легко отыскать на нашей планете. Изумляет и поражает в нём, прежде всего, именно простота. Но эта видимая простота, бросающаяся в глаза только в первый момент. Подойдя же поближе и тщательно разглядывая и изучая характер кладки и орнамент, начинаешь осознавать – какие же удивительные люди жили в то далёкое время, не знавшие электричества, компьютеров, различной спецтехники и прочих достижений научно-технического прогресса. И... невольно начинаешь завидовать им и жалеть, что не родился в то далёкое и замечательное время.

Кирпичная кладка внутри мавзолея

Не хочется пересказывать вам избитую байку о том, как в зависимости от времени суток этот уникальный памятник обладает способностью менять свои оттенки и предстаёт в совершенно ином виде. Нам она почему-то не нравит-

ся. Может быть именно из-за того, что слишком уж «затаскали» её местные экскурсоводы. Или возможно оттого, что невольно в мозгу всплывают ассоциации по аналогии со знаменитой «загадочной улыбкой» Джоконды великого Леонардо. Сложно судить...

Но в одном мы уверены на сто процентов: этот памятник нисколько и ни в чем не уступает шедевру флорентийского живописца. Только эту красоту нужно уловить, рассмотреть, почувствовать. Для этого, прежде всего, необходимо быть равнодушным не только к собственной истории, но к истории вообще: ценить уроки прошлого и пытаться извлечь для себя из этого пользу. И тогда она непременно откроется вам с совершенно неожиданной стороны, действительно заиграв всеми цветами радуги и заставив вздрогнуть ваше сердце.

Вот почему нас удручают «стада» туристов, неотступно следующие за своим «вожаком» – гидом и спешно ставящие «галочки» о посещении того или иного памятника с тем, чтобы потом иметь возможность похвастаться перед знакомыми и близкими – «и я там был...» А какой толк от такого посещения, нам, по всей вероятности, так и не суждено понять...

Ансамбль Пои-Калон

Ансамбль «Пои-Калон». Фото 2014 г.

У каждого туриста, приезжающего в Бухару и посетившего многочисленные ансамбли города, складываются свои – особые – впечатления от увиденного. У кого-то, сразу всплывает образ ходжи Насреддина, которого, возможно, и сейчас можно встретить на пёстром восточном базаре. У кого-то – бухарский гарем, заполненный пышногрудыми гури-

ями. А кое у кого, впервые увидевшего минарет Калян /Калон/ («большой»), вспыхивают в возбуждённом мозгу картины деспотической казни в поздне-феодалной Бухаре. Особенно после того, как некоторые усердные гиды расскажут вам о том, как сбрасывали с этого минарета преступников и неверных жён. Образ «смерть-башни» сохранился ещё с советских времён, когда в угоду существовавшей идеологии было выгодно представлять дореволюционную Бухару, как средоточие мракобесов и тупых эмиров. Вполне возможно, что когда-то, кого-то и спихнули оттуда разок-другой, хотя наши бабушки и дедушки подобных историй так и не смогли вспомнить.

В сознании же большинства бухарцев нашего поколения образ минарета Калон всегда ассоциировался с бухарским фаллосом.

– «Ну как – стоИт?» – встретив неожиданно земляка на чужбине, в первую очередь спрашивается бухарец.

– «СтоИт» – успокаивает тот в свою очередь, широко улыбаясь.

Это означает, что пока он стоит, Бухаре ничто угрожать не может. Так и подмывает воскликнуть: «На том стояла, стоит, и стоять будет земля рус... – ой, простите – бухарская!»

А теперь, давайте ознакомимся с короткой и весьма пространённой справкой.

Итак, на подходе торговой улицы к главному перекрёстку

шахристана сложился центральный ансамбль Бухары, формирующий её неповторимый силуэт – «Пои Калон», то есть «подножие Великого» – подножие великого минарета Калян (русифицированное название от производного «Калон», тадж. «Большой»). Это историческое место. К югу от Арка традиционно, с 713 г., строились, рушились, восстанавливались после пожаров и войн, перемещаясь с места на место, здания главной соборной мечети города. Последнее такое здание, предшествующее существующей мечети Калян, на этом месте было возведено в 1121 г. караханидским правителем Арслан-ханом; она сгорела во время захвата Бухары полчищами Чингис-хана. От ансамбля XII в. сохранился величественный минарет, возведённый в 1127 г. перед главным фасадом несохранившейся мечети Арслан-хана.

Доминанта ансамбля – минарет Калян («Минорайи калон») – господствующий над городом гигантский вертикальный столб. Значение его выходило далеко за пределы практического назначения: для возглашения призыва на молитву достаточно было подняться на крышу мечети, как это и делалось в первые века после установления ислама; позже для этого стали использовать башни римских святилищ, колокольни христианских церквей, зороастрийские «башни огня» и другие вертикальные сооружения, разнообразные типы которых сложились у разных народов мира задолго до ислама. Слово «минарет» происходит от арабского «минора»

«место, где что-то зажжено».

По надписи в бирюзовой майолике под карнизом фонаря минарета Калян установлено, что он был завершён в 1127 г. На половине высоты ствола читается имя Арслан-хана. Обнаружено и имя мастера – Бако, на захоронение которого местные жители указывают среди домов соседнего квартала. Бако возвёл характерный для Мавераннахра минарет в виде круглоствольной кирпичной башни, сужающейся кверху: диаметр её внизу – 9,7 м, на уровне 32 м – 6м, высота – 46,5 м. Внутри столба вьётся кирпичная винтовая лестница, ведущая на площадку шестнадцати арочной ротонды – фонаря, опирающегося на выступающие ряды кладки, оформленные в виде пышного сталактитового карниза – «шарафа».

По распространённой легенде, мастеру было наказано в короткие сроки выстроить минарет, способный выстоять века. Мастер подготовил фундамент и... скрылся на год или два. Все поиски, предпринятые Арслан-ханом для поимки и последующей казни беглеца, не увенчались успехом. Каково же было удивление хана, когда по прошествии положенного времени мастер сам вернулся и упав к ногам повелителя, промолвил: «Вот теперь я ручаюсь своей головой, о великий повелитель, что построенный минарет будет стоять вечно!».

Мы не знаем, какие чувства в тот момент испытывал Арслан-хан, однако судя по тому, что творение мастера стоит и по сию пору, можно предположить, что здравый смысл, всё же, возобладал и он простил мастеру подобную дерзость.

Внутренний двор мечети Калян («Масжид-и калон»). Фото 2014 г.

Последнее здание соборной Мечети Калян («Масжид-и калон») завершено в 1514 г. Оно равно по масштабу зданию мечети Биби-Ханым в Самарканде. Под её сводами собиралось до 12 тысяч человек. При едином типе здания – это совершенно различные произведения зодческого искусства. Прямоугольный двор обрамлён галереями, состоящими из 288 куполов. Основанием им служат 208 колонн. Про-

дольная ось двора завершается «максурой» – портално-купольным объёмом здания с крестообразным залом, над которым возносится голубой массивный купол на мозаичном барабане. Здание хранит много любопытных архитектурных находок. Например, круглое отверстие в одном из куполов. Внизу, через него можно видеть основание минарета Калян. А отступая шаг за шагом, можно сосчитать все пояса узорной кладки минарета и упереться взором в его ротонду.

Здесь, в самый раз, уместно будет вспомнить об одной из самых отличительных черт бухарской архитектуры, а именно: практически все архитектурные памятники Бухары доисламского периода, уникальны и неповторимы тем, что несут в себе зачатки архитектуры, присущие исключительно согдийскому стилю, основу которого составлял лишь обожжённый кирпич. Это прекрасно видно на примере мавзолеев Саманидов и Чашма Аюб, минарета Калон и мечети Магоки-Аттори,⁹ ансамбля ходжа Гавкушон и ряда торго-

⁹ Между прочим, по поводу названия этой мечети, у авторов данной книги существует своя версия, отличная от общепринятой. «При чём тут продавцы пряностей и благовоний („аттор“)?» – резонно может задать вопрос обычный бухарец, знающий историю этого храма огнепоклонников, ибо существующая мечеть, как известно, была построена на фундаменте ещё более древнего святилища поклонников зороастризма. А вот ежели вспомнить про авестийский «атар», означающий «огонь», тогда название «Магоки Атар-и» («В глубине огня /святилища/») становится вполне естественным и логичным. Три главных храмовых огня в зороастрийской традиции имели сакральное значение и вместе с тем символизировали три сословия иранского общества – воинов, жрецов и общинников – скотоводов и земледельцев. Огонь, по преданию зажженный самим Кави Виштаспой, Атар-Виштасп (позднее, Адур-Гушнасп) находился в Мидии,

вых куполов-пассажей. То есть, основу декора того или иного памятника составляли исключительно причудливые манипуляции с бесцветным жжёным кирпичом. И никакой глазури, майолики и прочих поздних элементов украшений, вошедших в моду уже после XII века, в период окончательного укрепления ислама на территории Мавераннахра. Именно эта уникальная отличительная особенность является как бы визитной карточкой, по которой легко можно определить архитектурные памятники и ансамбли древнего зодчества Бухары, так как нигде более на территории Средней Азии вы не найдёте ничего подобного.

То же самое следует отметить и в отношении форм тех же самых минаретов (практически все минареты Бухары и её окрестностей, включая Чор-Бакр, Ваганзи, Вабкент, Гиждуван...): все они заметно разнятся от остальных «собратьев», даже от самаркандских (ансамбль Шер-дор), построенных в эпоху правления Тимура (XIV – XV в.в.), в создании которых заметно сказывается влияние иранских зодчих, привлечённых к строительству. И уж тем более, безусловно, раз-

в иранском Азербайджане в районе Шиза и был посвящен царю и воинскому сословию. Огонь Хварны – божественной благодати Атар-Фарнабаг был посвящен жреческому сословию и находился в персидском городе Истахр. Огонь Митры Атар-Бурзин-Михр – третий сакральный огонь зороастрийской религии был местом паломничества простого люда и находился в Хорасане (Парфия). По мусульманской легенде, этот огонь погас в ночь рождения пророка Мухаммеда. Погасший огонь на алтаре Весты возвестил скорое падение Рима. Погасший огонь на алтаре Атар-Бурзин-Михр стал предвестником разрушения империи Сасанидов и вытеснения зороастризма исламом.

няться от форм минаретов, присущих Ирану, Ираку и прочим странам исламского мира. И – опять же! – без излишней майолики, глазури, голубых изразцов и прочих декоративных элементов.

Когда же, минареты и купола мечетей и медресе начинают «одеваются» в характерный голубой цвет и чем это вызвано?

Происходит эта метаморфоза с приходом тюрков, в начале XII века. А как известно, у тюрко-монгольских кочевников – являющихся язычниками – верховным правителем их пантеона богов, являлся Тенгри – культ обожествлённого неба. Отсюда и следует усматривать любовь и пристрастие к голубому цвету, особенно заметное уже в эпоху окончательного утверждения ислама и сказавшееся на памятниках архитектуры (вначале – XII в. – робкое влияние, в виде отдельных элементов, скажем, голубых «полос» на теле куполов или минаретов, а затем – XV – XVI вв. – уже окончательное закрепление этих канонов во вновь создаваемых шедеврах строительной архитектуры). Другое дело, что со временем, сами тюрки, смешавшись впоследствии и ассимилировавшись с покорёнными ими же народами, примут затем ислам и культурные традиции бывших зороастрийцев. Но это уже отдельная история.

Медресе «Мири Араб» предположительно было построено шейхом тариката Накшбанди Сайидом Абдуллою аль-Йамани Хазарамавти, духовным наставником удельного прави-

теля Бухары эмира Убайдулла-хана и идейным вдохновителем борьбы народов Мавераннахра против иранских завоевателей.

Долгое время в историографии советского периода господствовала версия, основанная на выводах известных археологов и учёных-востоковедов М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, согласно которой строительство здания было осуществлено в период с 1530 по 1535/1536 годы. Однако последние изыскания в этой области сдвигают дату начала строительства почти на два десятилетия ранее этого срока. В настоящее время известно, что медресе Мири Араб было построено в ознаменование победы армии шейбанидов над войсками сефевидского шаха Исмаила I в битве при Гиждуване, одержанной в 1512 году. Также известно, что заключительные строительные работы были произведены на деньги Убайдулла-хана, полученные им от продажи в рабство 3000 пленных иранцев, а последние крупные столкновения шейбанидов с Ираном произошли в первой половине 1520-х годов. Шейх Абдулла Йамани, умерший в 1526 году, перед смертью завещал похоронить себя на территории построенного им медресе, что также свидетельствует о том, что к этому времени строительство было практически завершено.

В левом от главного входа купольном помещении расположена «гүр-хона» (усыпальница), в которой находятся мраморные надгробия шейха Абдуллы Йамани и мударриса Мухаммада Касыма, деревянная «сағона» (намогильник) Убай-

дулла-хана и ещё несколько не идентифицированных каменных надгробий. В правом от вестибюля купольном помещении обустроена мечеть.

С момента основания и до закрытия в начале 1920-х годов медресе Мири Араб являлось одним из самых престижных образовательных учреждений Средней Азии.

В 1945 году после долгих переговоров с правительственными органами муфтий Среднеазиатского духовного управления мусульман (САДУМ) Эшон Бабахан добился возобновления работы медресе Мири Араб. На протяжении многих лет оно являлось единственным исламским образовательным учреждением в СССР, благодаря чему получило широкую известность во всём исламском мире. Его выпускниками в советский и постсоветский период были такие известные религиозные и государственные деятели как председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, муфтий Азербайджана Аллахшукюр Пашазаде, муфтий Казахстана Ратбек Нысанбайулы, президент Чеченской Республики Ахмад Кадыров.

Медресе «Мири Араб»

Дело в том, что ещё будучи в Ташкенте и обсуждая со старшим зятем отдельные кулинарные термины, названия и этимологию местных блюд, мы не заметили, как соскочили с основной стези и увлеклись темой суфизма и его понятий.

– Суфизм – это не интеллектуальная игра, ключ к которой можно отыскать в сфере рационального мышления, оперируя такими инструментами познания, как ум, логика и тому подобное... – раздраженно заметит мой старший брат, обратив внимание на то, как я после второй рюмки, «сел на лю-

бимого конька». – И вообще: к чему все эти пустые разговоры и дискуссии?

Я знал, что брату и самому эта тема по душе. Просто, он решил, окатить меня слегка «холодным душем». Ну, не любит он, когда отдельные «умники» начинают рассуждать на тему того, о чём не имеют ни малейшего представления. Потому что у них отсутствует хоть какой-нибудь опыт переживания. А у кого он есть – как правило – имеют обыкновение, сохранять благоразумное молчание. Сейчас – в обществе старшего зятя – которого мы оба почитаем, эта его «подначка» оказалась как нельзя, кстати, заставив меня выйти из себя.

– А что такого плохого я сказал? – возмутился я. – Да: говорим о суфизме, да – возможно, я многого не «догоняю»... Ну и что? Это ведь так интересно.

– Тот, кто искренне хочет Его познать, много на эту тему не распространяется. – резонно парировал брат. – Можно быть далеко, но на самом деле – близко. И наоборот.

И тут наш зять произнёс в тему интересное двустишие, продекламировав его в оригинале, на таджикском:

Ту бо мани, дар Ямани – пеши мани,
Ту бе мани, пеши мани – дар Ямани.

Ничего подобного мне ранее слышать не доводилось и потому я попросил его, ещё раз повторить. И прослушав ещё

раз, робко выдвинул свою догадку.

– Уж, не о том ли шейхе идёт речь, который дал деньги на постройку главного медресе в Бухаре?

– Кстати, вполне возможно! – воодушевился муж моей старшей сестры. – Вот ты и выясни этот вопрос по приезду!

Так, в частности, заинтересовавшись личностью основателя медресе «Мир-и Араб» (то есть, «Имущество Араба») ¹⁰шейха тариката Накшбандия Сайида Абдуллы аль-Йамани Хазарамавти (то есть, из Йемена), я был немало озадачен и заинтригован тем фактом, что какой-то шейх из южной Аравии проявил такую настойчивость и рвение, что внес деньги и настоял на постройке медресе, который чуть позже назовут в его честь.

– Между прочим, процитированное мною известное двустишие, как раз, приписывается шейху и лидеру суфийского тариката Накшбанди – Насыр-ад-дину Убайдуллах ибн Махмуду аш Шаши (1404—1490) – более известному как Хўча Ахрор-и Вали (русс. Ходжа Ахрар), являвшемуся в своё время пиром и наставником упомянутого Сайида Абдуллы. – подчеркнул зять и тут же поспешил признаться. – Я не уверен в точном и дословном цитировании, а потому, советую тебе, по возвращению в Бухару, встретиться и пообщаться на сей счёт с домулло Гафурчоном.

Что собственно я и сделал, придя в медресе и справившись у дежурившего у врат главного портала об устозе. Ока-

¹⁰ Есть и другое мнение: «Мир» – сокращенное от «Амир» – «Арабский эмир».

залось, что именно в тот день Учитель был свободен от занятий и отдыхает. Видя, что я жутко расстроился, пожилой мужчина кивнул головой в сторону небольшого магазина:

– Вот здесь работает его сын, спросите у него.

Я тут же последовал его совету и вскоре выяснил у сына, что отец находится дома и что к нему в любое время можно свободно обратиться: он принимает всех без исключения.

– А как мне найти дом? – уставился я на Абдурауфчона.

– О, это без проблем: я вызову таксиста и он течение 10—15 минут доставит Вас по назначению.

Через 20 минут я уже с волнением переступал порог известного дома. Однако, поскольку хозяин был занят очередными гостями, предпочёл остановиться недалеко от ворот, скромно прислонившись к стене.

«Похоже, таких „умников“ как я, у него немало ежедневно» – подумалось мне и даже обрадовался, что «очереди» почти никакой, а следовательно мне крупно повезло.

Вскоре, проводив до порога гостей, домулю повернулся ко мне и мягко улыбнулся, словно узнал старого знакомого.

– Простите, но я хочу занять минут двадцать Вашего времени. – набравшись наглости начал я на бухарском, и немного устыдившись – Если Вы, конечно, позволите.

Мой собеседник согласно кивнул мне в ответ, после чего мы прошли в его комнату, стены которой украшены стихами непревзойденного Хафиза. Хозяин, встав со мною посреди комнаты, поднял глаза на одну из стен и, вода паль-

цем по строчкам, стал декларировать на фарси каллиграфическую надпись, исполненную арабской вязью. И так, медленно поворачиваясь от одной стены к другой, мы совершили полный круг, оставаясь в центре комнаты.

В ходе традиционного опроса, принятого в среде бухарцев, очень скоро выяснилось, что оба мы являемся выходцами одного и того же квартала.

– Ха-ха, гузар-и Мирзо Фаёз! («Да-да, квартал Мирзо Фаёз») – подтвердил мои слова устоз и я в ту же секунду проникся гордостью и уважением к... самому себе, поскольку, даже в книге О. Сухаревой «Квартальная община позднефеодального города Бухары» нет упоминания об этом квартале, несмотря на то, что он достаточно известен в среде коренных жителей. – Я и сам, можно сказать, оттуда родом.

И тут я окончательно вспомнил своего собеседника: такое впечатление, словно открылся некий скрытый канал, который на самом деле никогда и никуда не исчезал. В мгновение ока я перенёсся в своё далекое детство и перед моим взором пёстрым калейдоскопом, как в киноленте, пронеслись отдельные фрагменты нашей жизни, которые я узнал с лёгкостью, не прилагая особых усилий. Будто это давно установленный факт, не подлежащий сомнению – аксиома, говоря современным языком. Ведь никто же не станет отрицать, что ежедневно поутру Солнце всходит, а вечером того же дня светило клонится к закату. То же самое и с Луной. То же самое произошло и во мне.

Ещё с детских лет, когда мы с отцом тайком собирались в дедушкином доме на ежемесячный зикр «хатм-и ёзда», мне доводилось слышать имя моего визави. Правда, тогда оно звучало без всяких почетных званий и приставок, просто – Гафурчон. Выяснив для себя, какого он года рождения, я быстро вычислил, что домулло на 7 лет старше меня.

Оказалось, что он очень хорошо помнит не только моих родителей и дедушек (причем, с обеих сторон, что – впрочем – неудивительно: ведь все они жили в одном квартале), но и моего двоюродного дядю – Амак-и Зокирчона – проживавшего там же, в небольшом узком переулке («пасткўча»). Надо лишний раз пояснить – какая у нас сложилась доверительная и теплая атмосфера.

Тем не менее, чувствуя, что нас в любой момент могут прервать очередные гости, я попытался сконцентрироваться на главном с тем, чтобы не «распыляться» на то многое, что было заготовлено заранее и шмелиным роем крутилось в голове. Едва я успел запинаясь воспроизвести первые строки из того двустишия, как домулло остановит меня, пытаясь помочь.

– Я Вас понял – о чём идёт речь. – успокоит он. – Вот как дословно звучит это двустишие:

*Гар дар Ямани бо мани – пеши мани,
Гар дар пеши мани бо ман наи – дар Ямани.*

И пояснит, что во второй половине XV-го века в кругу приверженцев и учеников великого Хаджи Ахрара, оказался вполне способный и не по годам мудрый молодой шейх Сайид Абдулла из Йемена, с которым великий религиозный деятель мусульманского мира имел довольно продолжительную беседу. По окончании которой, лидер тариката Накшбанди выдаст своему ученику специальную грамоту-разрешение («Хат-и эшод») на самостоятельную проповедническую деятельность, признав тем самым его природный дар и приравняв его знания к своим.

Можно только представить себе, к какому возмущению подобный великодушный жест приведёт ближайших учеников и сподвижников святого, верой и правдой служивших старцу не один десяток лет. Он вызовет у них откровенное смятение и настроит против «новоявленного мудреца» ближайшее окружение Учителя.

«Надо же: мы тут денно и ночью стараемся следовать заветам нашего Учителя, – станут возмущаться они промеж собою, в узком кругу – а этот выскочка из Йемена за одну-единственную ночную беседу удостоился такой великой почести, что не снилась из нас никому!»

На что знаменитый Ходжа Ахрар ответит своим ученикам этим потрясающим стихом-экспромтом.

– А не кажется ли Вам, уважаемый домулло, что эти строчки имеют и другой, более глубокий смысл: их можно трактовать в контексте суфизма? – обращаюсь я к собеседнику

и приведу цитату из Евангелие от Матфея 20:16. «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званных, а мало избранных».

– Можно, конечно, интерпретировать и в этом смысле. Там много смыслов... – сдержанно согласится домулло. – Однако основной смысл звучит так, как я Вам процитировал выше.

Мы ещё поговорим с Учителем немного о происхождении названий некоторых местных блюд, которые меня всегда жутко интересовали. На все вопросы я сполна получу исчерпывающие ответы, что заставит меня с благоговением и по новому взглянуть на своего, в общем-то, давнего знакомого. Не желая злоупотреблять своим присутствием, я, извинившись, встану из-за стола: через два-три дня мне предстояло собираться в обратную дорогу, в Санкт-Петербург.

Крепко пожму ему руку и попрошу:

– Можно, я сделаю селфи на память о нашей встрече?

– Конечно. – согласится устоз и улыбнувшись добавит – Не последней, надеюсь.

– Я – тоже... – соглашусь я с Учителем.

Домулло проводит меня до самых ворот своего дома. На Востоке, подобный жест говорит о многом.

Уже окончательно распрощавшись с хозяином дома и идя по тенистой аллее, увитой с обеих сторон виноградником, мне вдруг подумалось: «А ведь, в этой встрече заложен и свой знак. Ничего в этом мире не происходит просто так:

езде присутствуют знаки! Надо только уметь их грамотно прочитать».

И почти в тот же самый миг, словно вспышка, меня охватило не то озарение, не то экстаз, наэлектризовав до предела кончики моих волос.

«Вот ведь как бывает – осенило меня новой догадкой – ты всю свою сознательную жизнь находишься в поиске своего Учителя, исколесив чуть ли не полмира с Востока на Запад и с Севера на Юг, а может случится и так, что Он, оказывается, никуда не уходил, а всегда был рядом с тобой. В том же самом родном городе, в том же самом квартале, можно сказать, на той же самой улочке, рядом с твоим родовым домом. Надо же: ещё один смысл!»

Я шёл по направлению к главной дороге и в такт своим шагам неустанно повторял:

*Гар дар Ямани бо мани – пеши мани,
Гар дар пеши мани бо ман наи – дар Ямани.*

(Будь /ты/ хоть из Йемена, но если разделяешь мои мысли – ты рядом со мною,

Если же /ты/ сидя рядом со мною, не разделяешь моё учение – ты далёк от меня настолько, как Йемен.)

Медресе Абдулазиз-хана

Медресе Абдулазиз-хана, (XVII в.)

Этот памятник средневековой архитектуры занимает особое место не только по своему значению и богатству художественной отделки, но ещё и потому, что дорог одному из авторов данной книги, которому довелось здесь проработать почти 5 лет в качестве бармена восточного бара, в те далёкие теперь уже времена, когда ещё здравствовал Советский

Союз. Но вначале, небольшая историческая справка.

Медресе было воздвигнуто в 1651—1652 годах пятым (по счёту) правителем из династии Джанидов (Аштарханидов) – Абдулазиз-ханом (1645—1681). Составляет «кош» (т.е. парный ансамбль) с медресе Улугбека, построенным, кстати, в начале XV века и являющимся одним из самых древних из сохранившихся трёх медресе, построенных внуком Тамерлана – правителем и учёным-астрономом Улугбеком.

Вход отличается своим высоким и богатым внешним орнаментом, в котором впервые была использована желтая краска. При оформлении медресе использовались самые разнообразные приемы: резная черепица и резная мозаика, рельефная майолика, резной мрамор, алебастровая фреска, позолота. Медресе считается вершиной достижений среднеазиатского зодчества, вопреки традициям чисто орнаментального декора, стены расписаны изображениями цветов, деревьев, пейзажами и даже изображениями драконов и птицы Симург.

Однако, весь этот новодел заиграет своими прежними яркими красками лишь в начале XXI века, когда власти догадаются, что эти уникальные шедевры архитектуры нуждаются в реставрации с тем, чтобы приносить немалую прибыль государству. В советскую же эпоху, все эти памятники выглядели скромнее, но – натуральнее.

Дженькуе бардзо

Именно таким образом, польские туристы высказывали свою благодарность мне, – бармену восточного бара – утолив свою жажду холодным напитком в знойный бухарский полдень, когда температура в тени доходила до +45 градусов по Цельсию. Я же, неизменно вежливо отвечал им: «прошэ, с пшемнощё» («пожалуйста, с удовольствием») и, отыскав наметанным взглядом «Казановы» наиболее привлекательную «жертву», угощал последнюю еще одним стаканом вожделенного напитка, оставляя себе взамен очередную записку, пахнущую Лодзью, Краковом или Варшавой, и обещающую предстоящий незабываемый вечер.

Маршруты всех экскурсий, как правило, неизменно сходились в баре, в медресе Абдулазиз-хана – архитектурном памятнике XVII-го века, что был расположен в центре старого города-заповедника, по соседству с торговыми куполами «Токи заргарон» («купола ювелиров») и напротив красивейшего медресе, построенного в 1418 году по распоряжению внука великого Тамерлана – Улугбека, названного в его же честь.

Да, мне крупно повезло в 1979 – 1983 годы, так как именно на этот период пришелся «золотой бум» советского туризма. Плюс ко всему, знаменитая московская Олимпиада.

За день через наш бар проходило не менее 20 – 25 ино-

странных и советских групп, в каждой из которых, в свою очередь, насчитывалось не менее 25 – 30 человек. Измотав по невыносимой жаре измученную жаждой группу, бедные гиды, приводили ее в бар, словно диких зверей на «водопой», где и сами получали от меня в «награду» спасительный холодный напиток и возможность немного отдохнуть под толстыми прохладными сводами старинного здания, украшенными искусным и затейливо расписанным восточным растительным орнаментом, отражающим индийские мотивы.

Правда, гиды, конечно же, догадывались, что слово «спасительный» можно было произнести лишь с большой долей иронии: каждый местный житель прекрасно осведомлен, что от жары человека может спасти только горячий зеленый чай, но ни в коем случае – холодные напитки. Они лишь только в первое мгновение создают иллюзию удовлетворения, возбуждая через короткое время неистребимое желание, вновь испить чего-либо холодного. Понятное дело, я никоим образом не был заинтересован в подробном просвещении туристов, посещающих мой бар. Поскольку, это означало бы «рубить сук, на котором сидишь».

В мои «шкурные интересы» входило только одно: чтобы ни один член группы не остался бы без напитка и... ждать, когда они сами прибегут за очередным стаканом «живительной влаги».

Параллельно со своими прямыми обязанностями барме-

на, я неизменно старался не забывать и об обязанностях мужчины, возложенных на мои хрупкие плечи жестокой Природой: почти в каждой группе туристов обязательно находилось хотя бы одно «создание неземного происхождения», которое заставляло сильно стучать мое сердце и приводило меня в состояние «временного склеротического коллапса», потому что именно в таком необыкновенном эйфорическом состоянии, я чаще всего умудрялся забывать давать сдачу. Но стоило лишь, мне добиться расположения к себе объекта своих желаний, как по истечении суток мой прежний разум вновь возвращался ко мне и я с удивлением убеждался, что передо мной, оказывается, стоит вполне обычная нормальная женщина, не лишенная, правда, при этом, своих очаровательных женских прелестей, что заставляло меня просто, по-человечески восхищаться не только совершенными формами, но и нередко столь же совершенной душой.

По вечерам же, во внутреннем дворе медресе, для многочисленных иностранных и советских туристов местная филармония давала национальный фольклорный концерт, коронным номером которого обязательно являлся арабский танец живота. По всему периметру двора были расставлены «тапчаны» (деревянные национальные плоские возвышения), устланные по бокам атласными «кўрпачами» (стеганые одеяла), на которых с завидным комфортом восседали (или возлежали) зрители-туристы, подперев под себя националь-

ные цилиндрические подлокотники («лүля»), а посредине тапчана устанавливалась «хон-тахта» (низенький, на коротких ножках, стол), с заставленными коктейлями или бутылками сухого вина, приобретенными накануне представления в «моём» баре.

С заходом солнца на импровизированной сцене включались мощные софиты, и ... начиналась «сказка из 1001-й ночи», длиною в два с лишним часа. Впереди, на сцене, артисты филармонии, в национальных красочных костюмах, исполняли народные танцы, а если поднять глаза кверху – взору представало глубокое темное южное небо, переливающееся многочисленными звездами разной величины, усеявшими собою весь небосклон. Что и говорить, – зрелище, завораживающее и стоящее того, чтобы хоть раз в жизни увидеть эту красоту своими глазами. Одним словом, Париж там даже рядом не валялся.

В глубине одного из порталов медресе, расположенного за зрителями, на небольшом возвышении были расположены еще три тапчана, для начальства и особо важных гостей. Тогда еще не было таких понятий, как VIP-персона и т. д. Чаще всего эти места оставались пустыми, и, следовательно, как вы, вероятно, правильно уже догадались, зарезервированными для меня и моих гостей.

Таким образом, не один вечер был проведен в обществе друзей и прекрасного пола, и далеко не исключительно – только иностранцев. Хотя, честно говоря, с ними мне было

наиболее предпочтительней общаться ввиду их совершенной открытости и раскрепощенности, столь не свойственно подавляющему большинству нашего контингента, в общении с которыми часто чувствовалась некая закомплексованность и настороженность. Впрочем, и во мне самом не до конца были изжиты эти качества, поскольку сам я являлся «продуктом своего времени»

Возвращаясь к началу нашего разговора, следует отметить, что вечер, проведенный с моей гостьей из Польши, выдался на редкость продуктивным: мы не только хорошо провели время, скрепив своими объятиями советско-польскую дружбу на веки вечные, но я ещё вдобавок восполнил пробел в области лингвистического образования, выказав при этом незаурядные способности в освоении польского языка. Так, например, я узнал, что ее любимым блюдом является «бигос», рецепт которого переписал для себя, а также пополнил свой словарный запас некоторыми немаловажными польскими словами, аналогом которого в русском языке являются такие слова, как «мир», «дружба» и «любовь».

И уже совсем прощаясь, в знак признательности и восхищения моей собеседницей, я с искренней теплотой и уважением произнес: «Дженькуе бардзо», что в переводе на русский означает – «Спасибо большое».

Предсказание Ахмада Дониша

В день коронации предпоследнего эмира Бухары Сейида Абдулахад бахадур-хана (31 октября 1885 г), к известному просветителю и учёному Ахмаду Донишу явятся друзья и его соратники и обратятся к нему с просьбой, составить гороскоп-гадание («куръя») на это знаменательное событие. После чего, великий астролог на некоторое время уединится в своей келье в медресе Абдулазиз-хана, которую он на тот момент снимал и займётся сложными расчётами. По окончании которых, Ахмад Дониш предстанет перед своими последователями и заявит им следующее:

– Я трижды перепроверил себя и проклял этот день, ибо все три раза вышел один и тот же неутешительный прогноз, а именно: ровно через 36 лет (по летосчислению Хиджры) Небо опустится на Землю и над головами эмиров мангытской династии нависнет топор! Все духовные и материальные достижения, веками накопленные усилиями предыдущих поколений правителей, в один миг испарятся и сгинут без следа в небытие. И ежели кому из нас доведётся дожить до этого часа, тот будет свидетелем и сможет подтвердить подлинность данного пророчества!

Ровно через 35 лет (по солнечному летосчислению),¹¹

¹¹ В отличие от солнечного года, в лунном (по Хиджре) календаре насчитывается не 365 дней, а 354 дня. То есть, на 11 дней меньше. Таким образом, за 33 го-

2 сентября 1920 года, войска Красной армии под командованием красного стратега М. Фрунзе штурмом ворвутся в Бухару и захватят город. В этот день начнётся обещанное «светопреставление» или – как он ещё останется в памяти коренных жителей – «Қиёмат-и асғар», то есть, «Малый конец света».

Судьба смилуется над предсказателем, забрав его в мир иной до наступления пророческого события: его не станет в 1897 году. Как это и положено многим талантливым личностям, он умрёт в относительной нищете и безвестности, так и не востребованный двором и власть предержащими. Похоронен будет на одном из многочисленных кладбищ Бухары, которое располагалось именно на территории той школы №4 им. А. Навои, в которой довелось учиться одному из авторов этой книги. Впрочем, как повествуют многочисленные хроники, «бухарская земля настолько свята и почитается, что, куда бы ты не ступил, обязательно ткнёшься в могилу святого или учёного».

да «набегает» ещё один «дополнительный» лунный год. Следовательно, 35 солнечных лет равны 36 лунным годам.

Мавзолей Чашма Аюб

Мавзолей Чашма Аюб. Фото 2014 г.

По дороге к выходу из парка сохранился ещё один интересный памятник – мавзолей Чашма-Аюб (то есть «Источник Иова») – сложный, многократно перестраивавшийся в течение XIV – XIX вв. памятник, принявший в итоге форму продолговатой призмы, увенчанной разнообразными по форме куполами над помещениями разного размера и формы. Острый, запоминающийся силуэт ему прида-

ёт поднятый на цилиндрическом барабане двойной куполок с конической скульей, отмечающий собой главное помещение с источником.

В Библии об Иове сказано: *«Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла»* (Иов 1:1). Где находилась эта страна Уц неизвестно, поэтому благочестивый Иов вполне возможно жил где-то в районе современной Бухары. По одной из легенд Иов (Аюб) проходил мимо того места во время засухи. Умирая от жажды, местные люди попросили у него воды. Как только он ударил по земле своим посохом, появился целительный источник. Считается, что вода из колодца целебна и способна исполнять желания. На этом месте православная церковь Бухары регулярно читает акафисты.

Независимо от того насколько правдива эта легенда, само по себе существование исторического памятника, связанного с именем Библейского персонажа, является знаковым явлением, которое указывает на распространение Библии и христианства в этих местах в далёком прошлом. Говорят, что если приехать в это священное место и испить целебной воды из источника, мудрый Аюб поможет решить все жизненные неурядицы и избавит от проблем со здоровьем. Туристические гиды советуют загадывать желания в процессе питья. Бывавшие там туристы рекомендуют брать посуду для питья с собой – кружки общего пользования не внушают доверия. По утверждениям местных, священная вода

не такая соленая, как в других местных источниках, здесь она имеет сладковатый привкус горной родниковой воды.

Главный купол, напоминаящий двойной шатер, находится ровно над источником. Аскетичный архитектурный облик без цветных куполов и витиеватых узоров очень выделяет мавзолей из множества других подобных сооружений города, более торжественных и ажурных. Чашма-Аюб наполнен таинственным очарованием простоты, которое завораживает гостей Бухары.

Строительство мавзолея пришлось на период правления династии Караханидов, в 12 веке. Мавзолей неоднократно перестраивался на протяжении XIV – XIX веков, табличка из резной терракоты рядом с колодцем сообщает, что мавзолей был построен в 1379—1380 годах при Тамерлане мастерами, вывезенными из Хорезма.

Сооружение образовано четырьмя помещениями, расположенными на оси Восток-Запад, каждое помещение увенчано куполом. Самое западное помещение было построено первым как погребальная башня, остальные объемы были пристроены позже. В Чашма-Аюбе находится несколько захоронений, самое раннее из которых – могила знаменитого ученого-богослова и знатока хадисов Ходжи Хафиза Гунджори (Хўча Ҳофиз-и Гунҷори), который был погребен здесь в 1022 году.

В настоящее время в здании мавзолея находится Музей воды и Выставка ковров. Экспозиция музея дает представле-

ние об истории водоснабжения Бухарского региона на протяжении веков. Самые интересные экспонаты – керамические водопроводные трубы XVIII—XIX вв., медно-чеканная посуда для воды и кожаные бурдюки для хранения воды XVIII—XX вв.

В наше время, неподалёку от этого памятника архитектуры обосновались художники и продавцы сувениров, разложившие свой нехитрый товар вдоль аллеи, ведущей к мавзолею Саманидов. На импровизированных стендах можно встретить не только неплохие работы художников, исполненных большей частью акварелью, но также и различные ювелирные украшения ручной работы. Для настоящих ценителей старины могут представлять интерес подлинные украшения конца XIX начала XX века. Естественно, стоят такие работы недёшево. И это можно понять: для многих жителей данный промысел зачастую является единственным источником средств к существованию в условиях высокой безработицы.

Справа от памятника расположен большой базар, на котором обычно затаривается местное население. Особенно посещаемыми днями недели являются четверг (малый) и воскресенье (большой) базарные дни. В эти дни со всех окрестных кишлаков (деревень) съезжаются дехкане и простой бедный люд, чтобы продать свою скромную сельхозпродукцию и купить на вырученные деньги сладости и какую-нибудь обнову своим домочадцам.

Ситора-и Моҳи-Хосса

«Ситора-и Моҳи-Хоса»

Махаса (тадж. «Ситора-и Моҳи-Хосса» – «Звезда выбранной /желанной/ Луны») – это огромный комплекс, занимающий территорию в 7 га, был окончательно достроен во времена последнего эмира из мангытской династии эмира Алим-хана (1910 – 1920), хотя, отдельные строения су-

ществовали и со времен правления Музаффар-хана (1860 – 1885). Однако основные постройки дворца были возведены при Ахад-хане (1885 – 1910).

Существует довольно распространённая легенда о том, как выбиралось место для строительства будущего дворца. По одной из версий, дело выглядело следующим образом: по совету мудрых советников был отдан приказ – подвесить в различных окрестностях Бухары ленточки, с привязанными к ним кусочками освежёванного мяса. После чего, стали ждать – в каком месте оно испортится позже всего. Таким образом, самым благоприятным местом оказалась территория, ныне занимаемая эмирской резиденцией, расположенной в 2 – 3 км к северо-западу от Бухары.

Кстати, в советское время немалой известностью в бывшем Союзе пользовался почечный санаторий, расположенный именно на территории этого комплекса. Сюда из различных уголков Советского Союза съезжались не только на лечение: экскурсия по дворцу оставляла яркое впечатление на всю оставшуюся жизнь.

Да взять, хотя бы, знаменитых павлинов, предки которых были свидетелями прогулок самого эмира. Как нам удалось выяснить, сегодняшние павлины и в самом деле являются прямыми потомками тех самых эмирских павлинов. К 2006 году их уже развелось такое количество, что способствовало зарождению в моём мозгу не совсем гуманных планов: в том смысле, что «а как, интересно, они смотрелись бы

на нашем столе?» Лично я припоминаю времена, когда их едва насчитывалось 3 – 4 единицы. А сейчас они свободно разгуливают чуть ли не по всей территории комплекса и чувствуют себя прекрасно. Такой вывод был сделан мною после того, как я увидел помимо взрослых особей ещё и целый выводок «малышей», пасущихся в специально отведённом для них вольере.

Вот что поведала нам об этой загородной резиденции последнего бухарского эмира Алимхана (1910 – 1920) наш гид — **Римма Хусаинова**.

Интересно отметить, что не случайно были выбраны павлины. Эта птица очень чутко реагирует на нарушение экологии и не станет жить в местах, где нарушена экосистема. Кстати, аисты, которых вы теперь редко встретите в самой Бухаре, также являются своего рода живым экологическим барометром окружающей среды.

Следует, однако, отметить, что не только одни павлины являлись обитателями загородного сада эмира Алимхана. В своё время здесь содержался целый зверинец, в число обитателей которого входили: тигры, гепарды, газели, джейраны и даже... слоны.

Для постройки загородного дворца были специально приглашены (в 1890 г. и 1911 – 14 гг.) петербургские архитекторы Сакович и Маргулис, разработавшие уникальные проекты, сочетавшие в себе архитектурные элементы как во-

сточного, так и западного градостроительства.

В 1911—1914 гг. по проекту инженера Маргулиса бухарскими мастерами были построены приемный двор, личный корпус и гарем. Айван и Белый зал были выстроены в 1912—1914 гг., а корпус около бассейна в 1917—1918 гг. Следует подчеркнуть, что своими формами и художественными достоинствами дворец «Ситора-и Моҳи – Хосса» обязан больше всего бухарским народным мастерам. Не стоит, также забывать о том, что Бухарское и Хивинское ханства на то время являлись протекторатом России, и всецело зависели от последней в политическом и экономическом отношениях. Сам Алимхан учился в одном из кадетских корпусов в Санкт-Петербурге и естественно, годы ученичества и соприкосновение с шедеврами Эрмитажа и Петродворца не могли не оставить заметного следа в душе молодого и честолюбивого наследника бухарского престола. Влияние русской культуры не могло не сказаться и при строительстве загородной резиденции, которая строилась в период с 1911 по 1918 гг.

Симбиоз восточной и западной архитектуры очень ярко виден не только в элементах планировки, но в отделке самого декора. К примеру, сам кирпичный дворец, построенный по примеру многих петербургских зданий и исполненный в чисто западном стиле, украшен витиеватыми восточными узорами, постепенно и плавно переходящими в «гирих» – сложный звездчатый орнамент, который выполня-

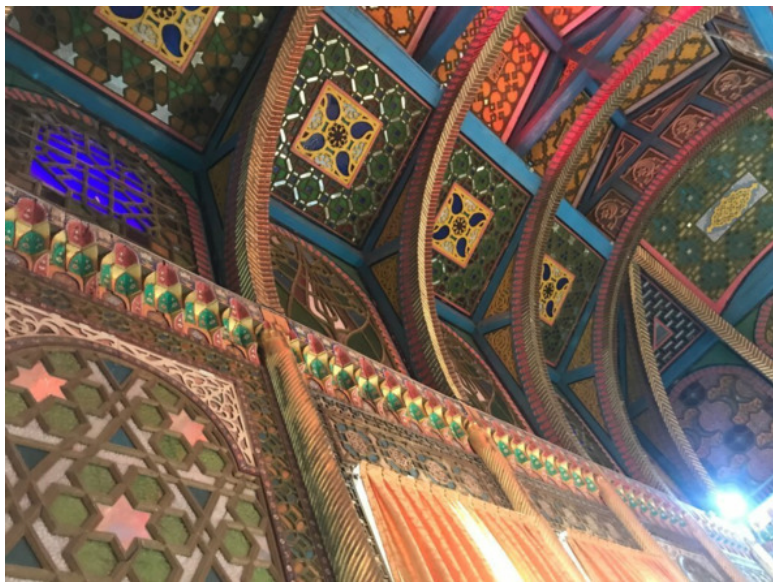
ется на основе сложных математических расчётов и имеет лабиринтообразную форму. Само здание очень органично сплелось в единый архитектурный комплекс, плавно переходя в широкий айван с резными колоннами, искусно выполненными из дерева бухарскими мастерами.

Одним из таких мастеров вполне заслуженно считается усто Ширин Муродов (умер в 1956 году). Исполненный в изумительном стиле так называемый «Белый зал», по праву остаётся непревзойдённым шедевром: так искусно смотрится сложный орнамент, выполненный им из ганча (алебастра) по зеркальной стене. Весь огромный зал смотрится как лёгкая пушинка, словно жемчужина, повисшая в воздухе. Конечно же, ни слова, ни даже фотография, не способны передать того ощущения, которое испытываешь находясь в непосредственной близости и созерцая это великолепие.

Вообще, лично у меня при осмотре дворца сложилось стойкое убеждение, что посещение Петергофа эмиром, оставило неизгладимый след в душе последнего. И постройку летней резиденции можно было бы назвать своего рода, если и не «ответом», то, во всяком случае, желанием эмира построить что-то в противовес «русскому Версалею». Я бы назвал Мохи-Хоссу «Эрмитажем» в миниатюре или приблизительным аналогом «бухарского Петродворца».

Однако, предоставляем снова слово Римме:

Здание внутри представляет собою анфиладу комнат, которые плавно переходят друг в друга через небольшие промежуточные комнаты-приёмные, стены которых богато украшены изразцами и декоративным растительным орнаментом.

Элементы декора одной из комнат

Как известно, ислам запрещал изображение человека. Вот почему, все своё воображение художники и декораторы выплёскивали при создании различных растительных

и геометрических орнаментов, достигнув в этом виде искусства самых высочайших вершин. На стенах многочисленных комнат дворца можно видеть самые невероятные, и даже фантастические орнаменты, которые сложно переплетаясь между собою, создают неповторимую картину: начиная от стилизованного изображения павлиньего пера до различного рода химер и фантастических существ.

Понятное дело, что при декорировании дворца такого уровня, один и тот же орнамент почти не повторялся. Каждая из комнат выполнена и оформлена в строгом соответствии со своим назначением. Так, когда мы переходим в так называемую «шахматную» (или «игровую комнату»), то нашему взору предстают элементы украшения, связанные с этой древней игрой.

По многочисленной мебели западного и российского образцов, которой богато обставлены почти все комнаты, нетрудно догадаться, что это далеко не «типичный интерьер» жителя Бухары. Почти вся мебель доставлена из России. Среди прочего: художественно выполненные часы, с богатой отделкой и инкрустацией; различного рода комоды, банкетки, этажерки, бюро и даже ...холодильник, верх которого обкладывался льдом и последний по мере оттаивания стекался по специальным трубочкам вниз, в поддон, охлаждая при этом содержимое самого холодильника.

Все комнаты украшены огромными каминами, которые

искусно и с изяществом обрамлены изразцовой плиткой и со смешанным орнаментом. Изразцы привезены из Германии.

Особое впечатление производит художественное оформление потолков. Это особенно бросается в глаза при входе в «Белый зал». В самом центре залы висит изящная люстра, подаренная российским императором Николаем II эмиру Алимхану, которая в числе прочих подарков была прислана для загородной резиденции. Следует также отметить, что электрический «движок» был завезён из Германии, так что со светом здесь проблем не было, в отличие от самой Бухары, где было ещё сильно влияние духовенства и всяческие нововведения объявлялись «кознями шайтана (сатаны)» или «проделками иблиса (дьявола)». Люстра освещает высокий резной потолок, подпираемый стройными деревянными балками, которые в свою очередь, украшены своеобразным и неповторимым орнаментом. Какое-то странное (но не отталкивающее, а наоборот – привлекающее и завораживающее) впечатление на посетителя производят эти балки-колонны, уходящие строго ввысь, невольно заставляя всплыть в воображении некоторые образцы готической архитектуры. В то же время, не оставляет ощущение, что ты находишься в непосредственной близости от кремлёвских палат, с её византийской вычурностью и помпезной торжественностью. И только яркое и сумасшедшее буйство

красок паркета, имитирующее рисунок персидского ковра, с его причудливым и затейливым орнаментом, обволакивающим тебя каким-то необъяснимым чувством ощущения уюта, снова возвращает тебя к сознанию того, что ты находишься на Востоке, где, словно преисполненный томной неги и вдыхающий аромат дымящего кальяна, чувствуешь себя совершенно далёким от этого мира.

Если обратиться к самим архитекторам, то по их задумке такая конструкция потолков должна была собою напоминать «ханский шатёр». Более того, по замыслу архитекторов, этот шатёр был рассчитан на все четыре времени года и соответственно имел четыре варианта, предусматривавшие снятие предыдущих конструкций и заменой их новыми. Цветовая гамма также соответствовала определённому времени года. Однако этому залу так и не довелось «сменить» одежду ни разу, поскольку вскоре после постройки в России, как известно, изменилась ситуация (начало Первой Мировой войны, 1914 г.), ну, а затем уже и сама революция, которая в скором времени добралась до Бухарского ханства.

Миновав ещё одну комнату, которая называется «Канцелярией (или комнатой писарей)», мы попадаем в «Чайную комнату» – большое и светлое помещение, украшенное весело и ярко всевозможными витражами и заставленную многочисленными декоративными вазами и кувшинами, преимущественно японского и китайского происхождения. В зим-

нее время эта комната являлась своего рода оранжереей, где выращивались цветы

Наконец, пройдя анфиладу помещений, мы выходим через боковой выход вновь во внутренний двор, но уже значительно дальше от того места, где мы первоначально вошли. Сразу на крылечке нас встречают «львы» (и снова связь с Питером!), сделанные местными мастерами из газганского местного мрамора. На фоне этих львов очень часто любят фотографироваться туристы.

Несколько в стороне от основного здания дворца находится ещё одна небольшая постройка, именуемая как «восьмигранник». Эта постройка была сделана по приказу эмира Алим-хана и предназначалась для одной из дочерей Николая II – княгини Ольги. Эмир, который по некоторым данным, исходящих из косвенных источников, был неравнодушен к этой особе, неоднократно приглашал её в гости, но последней так и не довелось приехать в Бухару.

В самом центре этого здания находится восьмигранная комната, по внешней окружности которой расположена анфилада комнат, переходящих одна в другую. Стены и потолки всех комнат богато раскрашены растительным и геометрическим орнаментом. Мотивы орнамента самые различные: в центральной зале можно встретить элементы, свойственные русскому орнаменту. Особое зрелище представляет потолок центральной комнаты, который буквально облит сусальным золотом и выдержан в очень

тёплых тонах.

В настоящее время, здесь размещён музей национальной одежды: прогуливаясь по всему периметру здания всюду можно заметить выставленные экспонаты, демонстрирующие различную одежду и обувь, которую носили жители Бухары в конце XIX начале XX веков.

Наконец, пройдя через небольшую аллею, можно выйти прямо к хаузу (бассейну), рядом с которым выстроена в своеобразном стиле восточная беседка, где царственная особа могла позволить себе отдохнуть, забыв на некоторое время все государственные дела.

Кстати, по поводу этого комплекса также существует глупая байка, вполне удовлетворяющая вкусам отдельных туристов, в воображении которых Восток немислим без гарема и одалиск,

барахтающихся в пруду на потеху любвеобильному падишаху. Вам с удовольствием поведают в красках как эмир, сидя в своей беседке, бросает половину яблока в бассейн, в котором плавают его многочисленные наложницы, и как с остервенением последние бьются чуть-ли не насмерть за обладание этим фруктом, поскольку победительнице вместе с этим огрызком достаётся ещё один – эмирский – и право разделить царственное ложе в предстоящую ночь.

Ну что здесь можно сказать? Разве что, улыбнуться вместе с читателем...

Ну, и в заключение, хочется пожелать вам от всей души, чтобы по приезду в Бухару вам повезло на настоящего и толкового гида (а таких, кстати, совсем немало), от которого зависит очень многое. Нам на такого гида повезло: спасибо, тебе, Римма. Рахмат-и-калон! (Спасибо большое!)

Ансамбль Ляби-Хауз

Это излюбленное и самое популярное место отдыха не только туристов, но также и жителей Бухары. Однако, для начала я предлагаю ознакомиться со статьёй **Е. Некрасовой**, строго по-научному, без лишних сказок и легенд описавшей один из самых интереснейших ансамблей города.

Лаби Хауз – один из крупнейших архитектурных ансамблей (XVI—XVII вв.), Бухары, расположенный в восточной части Хисар-и нау, или Хисар-и берун (Нового города), и вытянутый в широтном направлении вдоль торговых улиц. Композиционным центром является большой хауз, по сторонам которого – две мадраса и ханака, возведённые из жжёного кирпича.

Мадраса Кульбаба Кукельташа (60—70-е гг. XVI в.), названная по имени строителя – молочного брата и ближайшего соратника Абдуллахана II (1557—1598 гг., годы правл. 1583—1598 гг.), расположена в северной части ансамбля и главным южным фасадом обращена на торговую площадь. К западу от неё некогда находилась соборная мечеть Шона (снесена в 60-е гг. XX в.), возведённая отцом строителя Л. Х. – амиром Йар Мухаммадом-ата, воспитателем Абд Аллах-хана.

Традиционная в плане, мадраса по количеству художёр (более 150) – самая большая в Бухаре, приподнята на довольно

обширной суффе – площадке («сахн»), ныне укороченной более чем наполовину. Вход на главном фасаде оформлен монументальным порталом с глубокой сводчатой нишей, фланкированной по сторонам изящными колоннами из полупрозрачного зелёного оникса. Наружные боковые и задний фасады, подобно главному, оформлены по второму этажу глубокими лоджиями. В стенах вестибюля, состоящего из трёх помещений, вытянутых по поперечной оси, расположены входы – в мечеть, дарсхона (лекционная комната), на лестницы, ведущие на второй этаж в помещения библиотеки, и в коридоры, выводящие во двор. Дополнительные входы в мечеть и дарсхона устроены на главном фасаде, помимо этого последняя имела ещё один вход на восточном фасаде, оформленный глубокой сводчатой нишей. Квадратные в плане, с глубокими нишами на осях, мечеть и дарсхона имеют уникальные перекрытия, представляющие собой систему пересекающихся арок; в декорации использованы ганчевые своды и сталактиты. Большой двор мадраса обведён в два этажа аркатурой, за которой располагаются худжры, в некоторых из них сохранился декор – росписи, резьба по ганчу (алебастр). На главной оси двора устроены глубокие айваны, оформленные массивными порталами. На них сохранились фрагменты коранических надписей, выполненных почерком «сульс». В тимпанах арок снаружи и внутри здания остались незначительные фрагменты от некогда богатого декора расписной майоликой. До нашего времени

на главном фасаде сохранились деревянные резные ворота, сильно повреждённые. Их полотнища, собранные из звездчатых фигур, образуют сложный гирих (орнамент).

В первые десятилетия XVII в. к югу от мадраса на средства вазира Имамкули-хана (1582—1642 гг., годы правл. 1611—1642 гг.)

– Надира Диван-биги были возведены основные сооружения ансамбля: ханака, мадраса и хауз, получившие названия по имени основателя. Ханака, ханега, хонако (от тадж. «хона» – «дом» и «га» – «место»), «такия» (араб.), «завия» (арабский, преимущественно в Северной Африке) – мусульманские культовые сооружения типа странноприимных домов, которые обычно являлись обителями дервишей (суфиев) и центрами пропаганды суфизма. Со временем ханака превратились в комплексные сооружения (иногда монастырского типа), включающие кельи, мечеть, зал для радений, усыпальницу патрона и др.

Ханака замыкает ансамбль с запада, возведена на довольно высокой суфе и обращена главным фасадом на восток. Стройный портал с глубокой нишей фланкирован угловыми башнями («гульдаста»). В боковых фасадах также расположены входы, отмеченные невысокими порталами. Первоначальный декор интерьера ханаки во время капитального ремонта при эмире Алим-хане, в 1914—1916 гг., был закрыт надписями и орнаментами, выполненными мас-

ляными красками. Над михрабной нишей приведены фрагмент коранической надписи и даты возведения и ремонта. Вокруг центрального зала в два этажа расположены небольшие худжры. В 70-е гг., на основании документальных остатков, был восстановлен мозаичный декор главного фасада. Прямоугольный, со срезанными углами хауз расположен к востоку от ханаки. Предположительно он устроен на месте более древнего и меньшего по размерам хауза. Это довольно сложное инженерное сооружение для хранения воды, поступающей по тазару (подземный канал, перекрытый сводом) из расположенного рядом Шахруда. Дно хауза покрыто водонепроницаемым раствором, ступенчатые стены сложены из блоков известняка.

Мадраса (1622—1623), замыкающая ансамбль с востока, имеет в плане неправильную конфигурацию, подчинённую топографии этого участка городской территории. Здание отличается от обычной мадраса рядом особенностей: отсутствием мечети, дарсхона и дворовых айванов; в восточной части имеется коридор, который вёл к конюшне. Это объясняется преданием, что первоначально сооружение задумывалось как караван-сарай, но в процессе постройки планы заказчика изменились. Главный фасад здания обычен для мадраса: в центре расположен мощный портал с двухэтажными лоджиями в крыльях, фланкированный на углах башнями. Большой интерес представляет восстановленная в 70-е гг. зооморфная декорация тимпанов

портала, выполненная в технике полихромной мозаики: к лучистому солнцу устремляются фантастические птицы, держащие в когтях фантастических же животных.

В 1794—1796 гг. на северной стороне площади, неподалёку от мадраса Кукелташ, появилась мадраса дамулла Ир-Назар Ильчи, со временем превращённая в караван-сарай (снесена в 50-е гг. XX в.). Согласно преданию, деньги на её строительство были переданы послу амира Шах-Мурата (1741—1800 гг., годы правл. 1785—1800 гг.)

– Ир-Назару Максютову Екатериной II.

Здания ансамбля Ляби Хауза отреставрированы.

А теперь возвратимся к легендам.

История этого ансамбля неразрывно связана с именем Надир-Диван-Беги, который был высокопоставленным сановником, визирем, а также он был дядей бухарского эмира Имам Кули-хана. Говорят, что когда Надир-Диван-Беги строил Ханаку, называемую и поныне его именем, рядом с местом строительства находилось большое домовладение, принадлежащее вдове – еврейке. Диван-беги решил, что это место, идеально подходит для устройства водоёма при мечети. Он обратился к вдове с предложением продать свой двор за любую хорошую цену. Но еврейка ни за что не соглашалась. Диван-беги тогда повёл её к эмиру, будучи уверен, что тот принудит её продать дом. Но Имам Кули-хан передал рассмотрение этого вопроса коллегии муфтиев. Мусуль-

манские законоведы вынесли решение, запрещающее отнимать двор у еврейки силой, ибо, по их мнению, евреи должны пользоваться всеми правами наравне с мусульманами, потому что они платят налог «джизью», на право сохранения ими своей религии. Диван-Беги пришлось ограничиться устройством маленького водоёма, прилегавшего к дому, где жила несговорчивая вдова.

Но хитрый вельможа проложил арык, для своего нового пруда так, что он проходил прямо под стенами дома вдовы, несмотря на то, что прокладка арыка в этом месте обошлась ему дороже. Через некоторое время, когда вода стала подмывать фундамент дома, еврейка пришла к Диван-Беги, чтобы возвать к его совести. На что он ответил, что, мол, его предложение остаётся в силе, и он сейчас же уплатит ей стоимость дома, лишь бы она согласилась продать его. Вдова ответила, что деньги ей не нужны и просит она только об одном, чтобы взамен её двора ей дали участок земли для постройки синагоги. Диван-беги согласился на эту сделку и передал в распоряжение женщины, свой участок земли, находившийся в квартале, ныне называемом «еврейским» или «старая махалля» («махалляйи-кўхна»). Первая еврейская синагога в Бухаре, построенная в XVI веке, стоит и по сей день.

А на месте бывшего дома вдовы был установлен самый большой водоём города (46 x 36 м). Люди стали называть его Ляби-Хауз, что означает «у пруда». Примерная дата по-

стройки 1620 год. Но среди народа сохранился и другой эпитет по отношению к данному комплексу: Хауз-и Базўр «построенный с принуждением», хотя, если быть правдивым до конца, то последнее название почти начисто стёрто из сознания бухарцев. Все привыкли уже отдыхать в полуденной тени в тени 500-летних чинар, расположенных вокруг водоёма, а потому название «Ляби Хауз» совершенно естественно и прочно закрепилось за этим красивым местом отдыха горожан и туристов.

Ну, а если вспомнить из всеми нами любимейшей в детстве книжки Л. Соловьева «Повесть о ходже Насреддине», что именно в этом пруду был сначала спасён, а затем окончательно утоплен ростовщик Джафар, то восторжествовавшее чувство справедливости и удовлетворенное чувство мести позволят нам полнее расслабиться и насладиться ароматом настоящего зелёного чая со свежеиспечёнными в танўре горячими лепёшками.

Относительно недавно (с четверть века тому назад) между Ляби Хаузом и Медресе городские власти решили установить памятник литературному герою. Так сказать, «наш Дон-Кихот Ламанчский». И – ничего: прижился со временем этот памятник. Ежедневно возле него фотографируются десятки (а бывает, и – сотни) туристов, которые своими объятиями тщательно отполировали все бока бедному ишаку. А Насреддину хоть бы что: он по-прежнему улыбается всем

и каждому своими узкими раскосыми и отнюдь не бухарскими глазами и, как бы подмигивая, призывает: «А давай ещё кого-нибудь утопим в пруду?»».

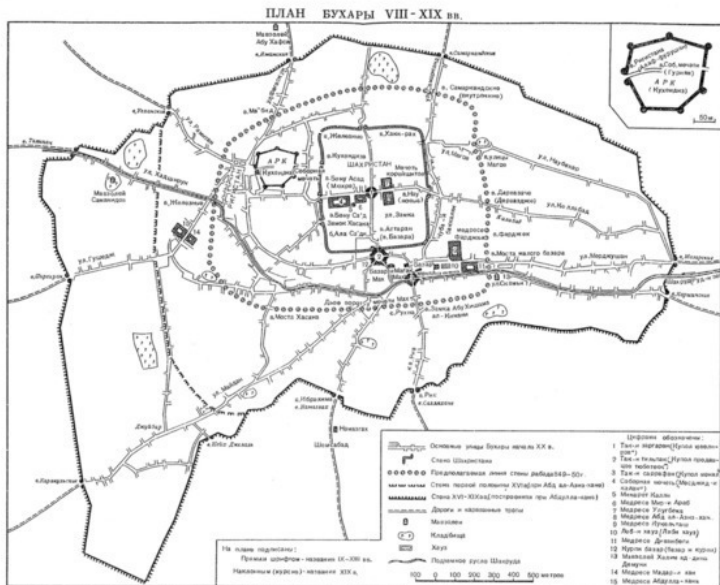
Ближе к вечеру мы бы порекомендовали вам заказать шашлычок и сменить пиалу чая на что-нибудь более крепкое. Благо этого «добра» всегда хватает.

Справедливости ради, следует отметить, что еда здесь готовится вполне сносная, но не выдерживающая никакой критики со стороны испорченных различными кулинарными изысками местных жителей, и – надо отдать должное – это правда. Культ еды у некоторой части бухарского населения преобладает надо всем остальным, а потому, это качество, что называется, привито «с кровью и молоком».

Бухарцы, являясь истинными ценителями грамотно приготовленной пищи и утончёнными гурманами, очень щепетильно относятся не только к санитарно-гигиеническим нормам приготовления того или иного продукта, но зачастую, берут во внимание и такой немаловажный аспект, как – КТО именно готовил конкретное блюдо. То есть, особо обращая внимание на внешний вид повара, его манеру поведения, привычки и так далее. И – поверьте мне – такая «придиричность» вполне обоснована и находит своё объяснение.

И в самом деле, есть в Бухаре специальные места, где превосходно готовят, к примеру, манты, тандыр-кабоб или рыбу, но это уже отдельная тема...

Ворота Бухары

Расположение ворот и границы стен города в разное время

По вполне понятным причинам, нами была перечислена лишь самая малая часть основных достопримечательностей родного города, поскольку формат представленной вашему вниманию книги зажат и ограничен определёнными рамками.

Тем не менее, рассказ о памятниках древнего города был бы не полным, если бы мы обошли молчанием информацию о крепостной стене, огибающей (и защищающей) весь старый город и в особенности – о её главных воротах, коих числом было одиннадцать. Ниже, мы хотим представить краткую информацию по данной теме.

В отличие от более древних и развитых соседних городов Варахши, Пайкенда и Самарканда, Бухара была основана в заболоченной дельте Зеравшана над которой возвышался рукотворный крепостной холм к подножию которого жались жилые кварталы. Лишь со II века до н. э. Бухара становится центром Бухарского оазиса и входит в Кушанское царство, а затем в государство Эфталитов.

Издrevле бухарский шахристан исторически был разделен на четыре части, выделяющиеся и в наши дни по рельефу. Он был плотно застроен, обведён рвом и крепкими стенами, прорезанными семью воротами. Некоторые из них имели по несколько названий, изменяющихся со временем. В южной стене находились ворота Мах (Базара, Мадины, Шахристан, Аттаран), в западной стене, обращённой к цитадели, располагались четверо ворот: Бану Саъд (или Саъдабад), Бану Асад (доисламское название Мухра), Кухандиз, Хак-рах (или Хуфре); в северной стене – Нур (с середины X века – ворота Мансура), в восточной стене – ворота Самаркандские внутренние (или Нау).

В середине IX века, при наместничестве Тахиридов (820—873 годы), вокруг Бухары была возведена внешняя стена. В её пределах находились: цитадель, шахристан, базар Мах, намазгах, и кладбище к северу от него, Кушки Муган, земли потомков Бухархудата и горожан на периферии обживаемой территории. Общая площадь города в пределах этих стен составляла более 700 гектаров.

Позже, шахристан стал называться шахри дарун («внутренний город»), или мадина, территория вне этих частей в пределах внешней стены – шахри бирун («внешний город»), или рабад (во внешней стене города были установлены 11 ворот).

Городские стены были укреплены при Караханидах и хорезмшахе Мухаммаде, разрушены в 1220 году войском Чингизхана, восстановлены позже и укреплены тимуридами Улугбеком и Ибрагим султаном.

При Абдулазиз-хане, в 1540—1549 годах были построены новые стены. При Абдулла-хане II, во второй половине XVI века в городскую черту были включены земли Джуйбарских шейхов, площадь города тогда достиг 500 гектаров.

В конце XVI – начале XX веков городская стена Бухары общей длиной 12 километров имела 116 округлых полубашен и 11 пар башен, флакирующих крепостные ворота. Стена была сложена из пахсовых блоков с прокладкой сырцового кирпича. Из 11 ворот сохранились лишь двое (ворота Ка-

ракуль и Талипоч), воссозданы четыре (ворота Самарканд, Хазрат Имом, Шейх Джалол, Саллахона), утрачены пятеро (ворота Шергирон, Мазари-Шариф, Ўғлон, Намозгох и Карши).

Итак, краткое описание всех 11-ти ворот Бухары.

Ворота Талипоч

Ворота Талипоч. Фото З. Виноградова, 1938 г

Ворота Талипоч (узб. Talipoch darvozasi) – крепостные ворота в Бухаре, воздвигнутые во второй половине XVI века,

при правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства. Были врезаны на западной части бухарской крепостной стены. Являются одними из двух хорошо сохранившихся, из 11-ти когда либо существовавших ворот Бухары. Они также являлись одними из двух ворот Бухары, через которых проходила дорога ведущая в сторону древних Ромитана и Хорезма.

Около ворот выходила главная водная артерия города – канал Шахруд.

Через ворота Талипоч в древние времена вела свой путь северная торговая дорога. В Бухару приезжали целые караваны с различными товарами, каждый владелец которых в обязательном порядке облагался данью за право въезда в город и торговли на территории Бухары. Сегодня ворота Талипоч все также считаются довольно значимым объектом Бухары, хотя они уже совсем давно не выполняют свою оборонительную функцию, не собирают налог за въезд в город и не встречают многочисленные караваны. Организация ЮНЕСКО внесла их в списки объектов Всемирного исторического наследия.

Расположены ворота в квартале Хўча Гунчори, поблизости от центрального городского базара и мавзолея Чашма-Аюб.

Ворота отреставрированы в 1960 году мастерами А. Саломовым и М. Мубиновым и в 2005 году – С. Каримовым.

Ворота Ўғлон

Ворота Ўғлон. Фото предположительно 1910—30 гг. XX в.

Ворота Ўғлон (узб. O'g'lon darvozasi) – утраченные крепостные ворота в Бухаре, возведённые во второй половине XVI века при правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства. Были установлены на северо-западной части бухарской крепостной стены.

Получили своё название от находившегося за ними святилища Ўғлон-ато. Соединяли северо-западную окраину города, «движение через них было сравнительно небольшое».

Они являлись одними из двух ворот Бухары, через которых проходила дорога ведущая в сторону древних Ромитана и Хорезма. Разрушены при Советской власти, возможно, в начале 1950-х годов.

В своё время, перед воротами располагались торговые лавки и небольшой бакалейный базар, что дало название прилегавшему к этим воротам кварталу название Чорбакколи дарвозаи Ўғлон. Этот квартал упомянут в вакуфной грамоте 1887—88 гг.

А также, близ этих ворот располагались крупнейшие кондитерские производства (халвогары).

В наши дни, на месте ворот Ўғлон проходит дорога, ведущая от Арка к дехканскому рынку города.

Ворота Ҳазрати Имом

Ворота Ҳазрати Имом Фото 1921 г. РГАКФД

Ворота Ҳазрати Имом (Хазрат-Имам; Имамские ворота) (узб. *Nazrati Imom darvozasi*) – крепостные ворота, воссозданные на прежнем месте в Бухаре. Впервые были воздвигнуты в XVI веке, в эпоху правления представителей династии Шейбанидов, в тогдашней столице Бухарского ханства.

Были установлены на северной части бухарской крепостной стены. Через них шло довольно оживлённое сообщение северной окраиной Бухары.

Ворота были возведены у одноимённого мазара, от кото-

рого и получили своё название. Среди населения Бухары существовало поверье, что в день воскресения мёртвых *«двери рая откроются из Бухары, из-под Имама, помогающего в нужде»*. Бухарцы верили, что почитаемый Имом Абу Хафси-Кабир, называвшийся также Имоми-хочат-барор (Имам, «изымающий жизненные тяготы и нужду»), может помочь обращающимся к нему.

Высота ворот была 11,6 метра, а ширина – 23 метра.

Ворота были разрушены, с прилегающей к ним городской стеной, при Советской власти 17 мая 1939 года как «тормозящие нормальное движение в городе». Воссозданы 2012 году. Являются одними из 4-х заново воссозданных ворот.

Самаркандские ворота

Самаркандские ворота. Фото 1890 г. Поль Надар

Самаркандские ворота (узб. Samarqand darvozasi) – крепостные ворота, воссозданные на прежнем месте в Бухаре. Впервые были воздвигнуты во второй половине XVI века, при правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства. Были установлены на северо-восточной части бухарской крепостной стены.

Разрушены, с прилегающей к ним городской стеной, при

Советской власти 17 мая 1939 года как «тормозящие нормальное движение в городе».

Воссозданы 2009 году. Являются одними из 4-х заново воссозданных ворот Бухары.

Ворота получили своё название от одноимённого города – Самарканда, с которым Бухара имела многовековую и постоянную связь. Проходящая через них дорога, также, вела в сторону загородных резиденций последних Бухарских эмиров – Ситораи Мохи-хоса и в Кермине.

Перед воротами (как снаружи, так и изнутри) были расположены торговые лавки и разнопрофильные лавчонки, а кроме того, небольшие базарчики. Сюда же, были перенесены из площадки между мечетью Калян и медресе Мири-Араб хлопковый базар («бозори ғўза») и базар коконов («бозори пилла»).

Ворота Мазари-Шариф

Ворота Мазари-Шариф. Фото 20-30-х гг. XX в.

Ворота Мазари-Шариф (узб. Mozori Sharif darvozasi) – утраченные крепостные ворота Бухары, возведённые (перестроены на место старых) в 1572 году при узбекском правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства. Были установлены на восточной части бухарской крепостной стены. Являлись одними из 11-ти когда либо существовавших ворот Бухары.

Разрушены, с прилегающей к ним городской стеной, при

Советской власти 17 мая 1939 года как «тормозящие нормальное движение в городе».

Ворота получили своё название от находившийся не совсем далеко за ними мазара Бахауддина Накшбанда (ныне мавзолей Бахауддина Накшбанда), который и поныне считается главной бухарской святыней, пользуется широкой популярностью и привлекает множества местных и зарубежных паломников, а также туристов.

Ворота были большими и высокими, состояли из 18 «гульточ» («корон»), свода, тимпана и арки. Высота ворот составляла 11 метров.

По инициативе узбекского правителя эмира Насруллы (1827—1860) между воротами и мазаром была проложена ныне не уцелевшая булыжная дорога.

Вблизи от ворот Мазари-Шариф (несколько южнее) находился ввод главной водной артерии Бухары – канала Шахруд; наблюдательный пункт хальфы (заместитель раиса), который, наряду с другими государственными делами, занимался контролем водоснабжения Бухары; специальное посольское здание – «элчи-хона» (построено в конце XIX века под руководством Российских инженеров И. Саковича и Маргулиса), куда также помещались почтовая станция и телеграф.

Каршинские ворота (Қавола)

Каршинские ворота (Қавола)

Каршинские ворота (узб. Qarshi darvozasi) – утраченные крепостные ворота Бухары, воздвигнутые в XVI веке, в эпоху правления представителей из династии Шейбанидов, в тогдашней столице Бухарского ханства. Были установлены на восточной части бухарской крепостной стены.

Получили особое значение в конце XIX века, после проведения на средства Бухарского эмира узкоколейной железнодорожной ветки «Каган – Бухара» до близлежащей к воро-

там территории. Они также, являются одними из двух ворот, на которые были направлены основные силы Красной Армии, под командованием М. В. Фрунзе, во время Бухарской операции, которая началась 29 августа 1920 года. Со стороны Красной армии было задействовано около 7000 штыков, 2500 сабель, 35 легких и 5 тяжелых орудий, 8 броневозов, 5 бронепоездов и 11 самолётов.

1 сентября в 5 часов утра правая колонна двинулась на штурм Каршинских ворот, который на сей раз увенчался успехом. Во время штурма Бухары сгорело (сожжено) около 3000 домов, разрушено и превращено в руины множество мечетей и медресе. Многие жители сбежали в окрест лежащие кишлаки (деревни), а иные и просто, в степь. Этот день запомнится бухарцам не только как «рӯзи фирок» («день расставания»), но и как «қиёмат-и асфар» (т.е. «малый конец света»). Полностью сгорят и сами Каршинские ворота.

Окончательно же, они будут разрушены и разобраны (с прилегающей к ним городской стеной), уже при Советской власти в 1941 году, как «тормозящие нормальное движение в городе». В настоящее время, практически, на их месте установлены символические ворота.

Ворота получили своё основное название от одноимённого города – Карши, с которым Бухара имела многовековую и постоянную связь. Проходящая через них магистраль, также, вела в сторону одного из загородных летних резиденций последних Бухарских эмиров – Ширбудун. При эмире

Абдулахад-хане (1885—1910) через них была проложена булыжная дорога от Новой Бухары до здания столичной почты.

Ворота Саллоххона

Ворота Саллоххона

Ворота Саллоххона (узб. *Salohkhona darvozasi*) – крепостные ворота, расположенные на юго-восточной крепостной стене города, были воздвигнуты во второй половине XVI века, при правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства.

По версии местного архитектора-реставратора З. Клыче-

ва, ворота получили своё название от скотобойни, находившейся за ними («саллох» /«қассоб»/ – «мясник»).

Соединяли город с близлежащими селениями, движение через которые было относительно небольшим. В рабочие дни значительное движение поддерживалось по дороге, ведущим к воротам Шейх Джалол и Саллоххона, за которыми находились многочисленные кирпичные заводы и печи, где обжигали гипс (ганч).

Также, возле этих ворот проживали и ремесленники, занимавшиеся кожевенным промыслом. Ремесло последних требовало присутствие воды, без которой не могла осуществляться обработка кожи. Вместе с тем, они обязаны были селиться таким образом, дабы не загрязнять воду, идущую от них по городскому каналу. Поэтому, кожевникам предписывалось селиться в кварталах, расположенных на окраине города.

Преимущественно они проживали компактно в весьма ограниченных кварталах: Чармгарон и Хальфа Худойдод – около Шергиронских ворот, а также, в трёх кварталах (Эшшони пир, Арабон и Мир Маъсуд), расположенных у ворот Саллаххона.

Как было сказано в историческом документе от 17 мая 1939 года, «в связи с реконструкцией г. Бухары и огромным ростом транспорта», Бухарскому городскому совету было разрешено, снести городские ворота Саллаххона с прилегающей к ним городской стеной.

Заново, на своём прежнем месте, ворота были воссозданы в октябре 2009 года.

Ворота Намозгох

Ворота Намозгох. Фото 20-30-х гг. XX в.

Ныне утраченные ворота Намозгох (узб. Namozgoh darvozasi) были построены во времена династии Караханидов в 1119 году мастером Усто Бако. Со временем отреставрированы в 1540-1550 годах Абдулазизханом. Ворота были отделаны красивой майоликой, облицовочными плитами и терракотом, аркой и сводом в стиле «китеба», цветники состояли из шести цветов, верхняя часть ворот 12 цветников – «гультоҷ». Находились на южной части бухарской крепостной стены.

Рядом у ворот находился дом (ныне дом-музей бухарского купца) принадлежавший первому руководителю правительства Узбекской ССР – Файзулле Ходжаеву. Ворота разрушены при Советской власти, возможно, в начале 1950-х годов.

Ворота Намозгох соединяли город с популярным местом культа – мечетью Намозгох, куда в мусульманские праздники (Иди Курбон, Иди Рамазон) стекалось всё мужское население города.

Здесь же, за стенами города, находился бараний базар, где в дни праздников устраивались народные увеселения «кокбари» («козлодрание»).

Высота ворот была 11,6 метров, а ширина составляла 13,8 метра.

Ворота Шайх Чалол

Ворота Шайх Чалол. Фото из коллекции МАЭ РАН, 1898—1902 гг.

Ворота Шайх Чалол (узб. *Shayx Jalol darvozasi*) – крепостные ворота, воссозданные на прежнем месте в Бухаре. Впервые были воздвигнуты, наряду с не уцелевшими хаузом, минаретом и мечетью, в честь учителя (пир) донатора строительства; в первой половине XVI века, на средства и по приказу правителя Абдулазиз-хана из династии Шейбани-

дов. Абдулазиз-хан был одним из учеников (муридом) шейха Джалола.

Ворота были установлены на юго-западной части бухарской крепостной стены. Также, рядом с ними, были построены хауз (бассейн), минарет и комнаты мечети, которые с течением времени обветшали и пришли в негодность. Рядом с воротами находились мечеть (хонакох) и мазар шейха Джалола. Среди жителей города этот мазар почитался особо и слыл как исцеляющий детей больных коклюшем. Рядом с мазаром также, располагался небольшой алтарь (чироғ-хона), где приходившие к мазару возжигали светильники.

Ворота соединяли Бухару с близлежащей окраиной города. «Движение через них было сравнительно не большое». Они считались одними из старых городских ворот, так как были единственными, сохранившие остатки первоначальной облицовки из мозаичных украшений. Высота – 11,1, а ширина – 14,2 метров.

Простояли они вплоть до 1968 года и были разрушены при Советской власти.

Воссозданы в 2008—2009 годах. Являются одними из 4-х заново воссозданных ворот Бухары. Находятся на улице им. М. Икбола.

Каракульские ворота

Каракульские ворота. Фото 1923—27 гг. Муса Саиджанов

Каракульские ворота (узб. Qorako'l darvozasi) – крепостные ворота в Бухаре, воздвигнутые во второй половине XVI века (в промежутке 1558—1575 годов), при правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства.

Были установлены на юго-западной части бухарской крепостной стены. Являются одними из 2-х хорошо сохранившихся из 11-ти когда либо существовавших ворот Бухары. Они также, являются одними из двух ворот на которые были направлены основные силы Красной Армии, под командова-

нием М. В. Фрунзе, во время Бухарской операции.

В прежние времена именно из этих ворот благочестивые мусульмане выходили за черту города для того, чтобы отправиться в далёкое паломничество (хадж) к святыням – в Мекку и Медину. А во времена Великого шёлкового пути, через эти ворота в Бухару въезжали караваны с купцами из таких стран, как Иран, Афганистан и Турция.

Ворота получили своё название от одноимённого населённого пункта – Каракуля, расположенного в 60 км к югу от Бухары.

Каракульские ворота были капитально отреставрированы в XIX веке, а в 1936 году была восстановлена южная башня ворот. Полностью же, отреставрированы в 1975 году мастером А. Асраровым. Находятся на улице «Мирокон» махалли «Сомонийлар боги».

Архитектурный памятник входит в «Национальный перечень объектов недвижимости материального культурного наследия Узбекистана» и является частью «Исторического центра города Бухара», включённой в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. В настоящее время является объектом туристического показа.

Ворота Шергирон

Ворота Шергирон

Ворота Шергирон (узб. Shergiron darvozasi) – утраченные крепостные ворота в Бухаре, возведённые во второй половине XVI века при правителе Абдулла-хане II, в тогдашней столице Бухарского ханства. Были установлены на западной части бухарской крепостной стены. Соединяли западную окраину города, «движение через них было сравнительно небольшое».

Дорога, выходящая через них, также вела в сторону самого крупного некрополя Средней Азии – Чор-Бакр.

Название ворот переводится как «завоевали львов». О причине присвоения им такого названия существуют две версии: первая связана с клетками для львов, находившихся возле ворот, второе – с отцом основателя династии Саманидов и охранявших его по ночам львов. Вторая версия относит нас к книге историка X века Абу Бакру Мухаммаду ибн Джафару ан-Наршахи «Тарихи Бухоро» («История Бухары»).

Разрушены при Советской власти, возможно, в начале 1950-х годов.

Часть III – Бани, базары и караван-сарай...

Ҳаммом

Бухарские бани

Традиция мыться в бане в Бухаре достаточно древняя.

Упоминания об этом можно встретить у Наршахи (Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар ан-Наршахи (899-957-среднеазиатский историк X века, уроженец селения Наршах (район Вабкент, Бухарск. обл.), автора «Истории Наршахи», датированной X веком. Правда, употребляли тогда не современный термин арабского происхождения «хаммом» (бухарское – хамбом), а старый таджикский – «гармоба».

Строительство большинства бухарских бань приписывается Абдулла-хану (XVI в), при котором строились «большие бани с просторными помещениями и мраморными полами»¹².

Торговое значение бухарских бань отмечает также и Филипп Ефремов в своих мемуарах «Девятилетнее странствование» (стр.27).

По сообщению очевидца, побывавшего в Бухаре в 1820 г., плата за мытьё составляла 20 пулей (Почти 1/3 танги).

Следует особо отметить тот факт, что бани составляли одну из достопримечательностей города: одно время их насчитывалось в Бухаре около двух десятков, к тому же, многие из них функционировали несколько столетий и при этом ничуть не изменились. Они снабжались водой из колодцев и имели собственную канализацию. Оставаясь практически однотипными, бани отличались по количеству помещений, от которых через сводчатые проходы можно было попасть в соседние помещения. Эти последние имели конкретное

¹² В.А.Шишкин, «Города Узбекистана», Ташкент, 1943, стр.26

функциональное назначение и соответственно назывались. К примеру, «пойшуйхона» – отвод для отмывания ног, среднее купольное помещение – «миёнсарой» или «гармхона» – сводчатые комнаты с горячей водой, и даже была предусмотрена отдельная интимная комната для стрижки и бритья волос на теле – «воциб-хона».

Всё было предусмотрено: постоянно поддерживался оптимальный уровень доливки воды, тёплый воздух равномерно расходился по ходам, проложенным под мраморными плитами, согревая тем самым суфы-возвышения и сам пол. При бане постоянно находился массажист («ходимичи»), к услугам которого при необходимости можно было в любое время обратиться.

Тот факт, что почти половина бань являлась женскими, говорит о том, насколько население города не могло обходиться без регулярного мытья. Среди местного населения бытовал даже специальный обряд «Хамбомбарон», когда новоиспечённая невеста перед свадьбой в обязательном порядке проходила эту торжественную процедуру – посещение бани.

Мылись, как правило, без мыла: вообще, в древности мыло не так уж часто использовалось по своему прямому назначению. Например, знаменитый врач Авиценна рекомендовал пользоваться мылом только для лечения кожных болезней. Для очищения тела здоровым людям он предлагал применять глину.).

При мытье воспользовались специальным мешочком, («халтача»), выполняющим роль современной мочалки. В банях работали банщики (халтадоры), которые по совместительству являлись также и массажистами. Массаж очень ценился местным населением, его считали одним из лучших лечебных средств, помогающих от многих болезней.

Тогда, в 60-е годы XX-го столетия, из 18 старинных бань, упоминаемых в книге О. Сухаревой «Бухара, XIX начало XX вв.», оставалось всего три: две мужские (хаммом-и Саррофон и хаммоми Бозори корд) и одна женская («хаммом-и Кунчак»). Сейчас (к 2020 г.), к сожалению, осталось всего две бани: одна мужская и одна женская.

Когда я был маленьким, каждую субботу или воскресенье папа готовил нас с братом к походу в баню. Мы с отцом ходили попеременно то в «хаммом-и Саррофон», то в «хаммом-и Бозори корд». Само устройство этих бань с замысловатыми комнатками-лабиринтами, с постепенным переходом из прохладного помещения в более жаркое и так далее, создавали сказочное представление, будоража детское воображение. Но более всего меня поражали тёплые мраморные полы из цельных кусков мрамора произвольной формы. Они были совершенно гладкие, тёплые и имели огромную палитру оттенков: от чисто белого как снег, до иссиня-чёрного с многочисленными прожилками в рисунке.

В «Каноне врачебной науки» Абу Али ибн Сино отмечает в качестве достоинства хорошей бани солидное строение,

умеренную температуру, яркий свет, хороший воздух, просторный предбанник, расписанный красивыми картинами, приятную воду. Вход в баню Саррофон вёл прямо с улицы в относительно просторную раздевальню и место отдыха. Далее начиналась серия заглублённых в землю купольных помещений, связанных между собой узкими сводчатыми ходами.

Самой последней и, следовательно, самой жаркой являлась комната, где по периметру вдоль стен были расположены 4 ручки кранов: 2 для холодной и 2 для горячей воды. Нам очень не хотелось туда идти и потому мы с братом довольно часто спорили – чья очередь идти за водой. Источником пара в таких банях является огромный котёл с водой, встроенный в стену. Пар, образованный от кипения воды, выходит постоянно через отверстие примерно 0,5 x 0,5 метра, находящееся на высоте полутора метров от пола. Котёл с водой раньше нагревался с помощью дров, сейчас – с помощью мазута. Топка находится по другую сторону стены, и запахи из неё не проникают ни в мыльное отделение, ни в парилку.

Через какое-то время, когда основательно помывшись и смыв всю накопившуюся грязь, отец нам разрешал перейти в следующее (близкое ко входу) более прохладное помещение, мы с облегчением выдыхали («Уф, наконец-то!»). Так, постепенно, освоившись «на новом месте» и привыкнув к существующей температуре, ополоснувшись переходили из одной в следующую – более прохладную – комнату. В са-

мой последней нас ждала процедура окатывания холодной водой и мы, чистые и довольные, выходили в предбанник, где нас уже поджидал поднос с горячим чайником зелёного чая и кобальтовыми пиалами. Представляете, как всё, оказывается, мудро было продумано нашими предками, жившими намного веков прежде нас: вначале – постепенный переход от прохладного к горячему, а затем, по завершению всех необходимых процедур, так же всё плавно, но только – всё наоборот. Это какими же следует обладать знаниями о человеке и о его природе, включающими такие науки, как: химия, физика, медицина, анатомия, биология, физиология...

Сегодня в Бухаре сохранились всего две старинные бани: одна женская – хаммом-и-Кунчак и одна мужская баня – хаммом-и-Бозори Корд, рядом с куполом Ток-и Тельпак Фурушон (Купол продавцов головными уборам).¹³

Полуподвальные помещения старинных бань втиснулись среди рыночных зданий и едва возвышаются над улицей своими невыразительными низкими куполами. Бухарские бани представляют собой историко-культурный интерес, как типичные памятники гражданского строительства Бухары XVI века.

Бани часто путают со специальными помещениями для ритуальных омовений – они имелись во многих кварталах

¹³ Между прочим, более раннее название данного пассажа значилось как «Ток-и Китоб Фурушон», ибо любовь к Книге (как и вообще, к чтению и любознательности) являлась неотъемлемой чертой подавляющего числа местного населения.

города и были двух видов: тахорат-хона – место для неполных омовений, которые, по шариату, должны предшествовать каждой молитве, и ғусл-хона – помещения, разделённые на изолированные кабинки, где могли совершаться полные омовения. Последние заключались в окатывании водой всего тела – с головы до ног – и были обязательны после супружеской близости. Такие омовения совершались также и дома: в ғусл-хоне в холодное время года имелась тёплая вода, что обеспечивало высокий уровень комфорта изнеженным жителям столицы. Все, кому полагалось воспользоваться услугами ғусл-хоны, появлялись в накинутом на голову халате так как до омовения они считались нечистыми. Содержание помещений для омовения было обязанностью самих прихожан. Топливо для этого либо по очереди доставляла каждая семья, либо все жители квартала участвовали в его покупке. Квартальная община нанимала какого-нибудь бедняка из числа жителей квартала, который обслуживал помещение для омовений и подогревал воду.

Помывшись основательно и едва выйдя после бани на улицу, мы сразу же, одновременно вытягивали свои руки, определяя – у кого они чище, редко сходясь к единодушному мнению. Тем не менее, все были довольны: отец, свято памятуя правило А. Суворова «После бани хоть штаны продай, но сто грамм выпей!», старался никогда не огорчать великого полководца. Ну, а мы – за «молчание» перед мамой – получали по маленькой плитке шоколада «Буратино» за 24 ко-

пейки.

Базары

**Что делать?! Мир стоит на воровстве!
Воруют в Самарканде и в Хиве,
В Ширазе, в Тегеране и в Стамбуле,
И даже – страшно вымолвить – в Москве
(Л. Филатов, «Возмутитель спокойствия»)**

Восточный базар

Ни один восточный город немислим без базара. Правда, справедливости ради следует отметить, что раньше базаров было на порядок больше, нежели сейчас и это понятно: ведь базар являлся не только местом купли-продажи, но и в известной степени, подменял собою СМИ то есть, служил основным источником информации. Помимо прочего, здесь устраивались разного рода представления: кукольники, канатоходцы, клоуны, чтецы и другие. Одним словом, базар являлся ещё и ареной для всевозможных выступлений, а следовательно выполнял функции развлекательного характера.

Вот что писал в своё время проф. А. А. Семенов:

«Я впервые попал в столицу эмирата, когда ещё не прошло 25 лет после заключения Шаарского договора о союзе между Россией и Бухарою. Закаспийская военная железная дорога была доведена тогда лишь до Самарканда, и русские воинские части ещё не занимали территории Термеза и Керки. В то время Бухарское ханство не включалось полностью в русскую таможенную черту и южная пограничная линия была более или менее открыта для свободной торговли с зарубежными соседями. Все это создавало условия для необычайного оживления на бухарских базарах, где воочию можно было убедиться, насколько разнообразен этнический состав базарных толп и обильно представлены всевозможные товары Востока и Запада. Я хо-

рошо знал торговые места всех больших городов Средней Азии, но бухарские базары подавляли своею грандиозностью. При небольшой сравнительно численности населения столицы базарные ряды в ней занимали первенствующие место, и если бы расположить их в одну линию, она растянулась бы на десятки километров. Все базары строго распределялись по рядам (раста), торговавшим только определенными товарами, и никакие смешение их не допускалось. Если вам нужно было купить веревки, надлежало идти в специальный ряд продавцов этого товара; если появлялась необходимость купить какую-либо золотую вещь, вы шли в ряд ювелиров. Разнообразие и обилие товаров поражало приезжих. Здесь можно было купить почти все, что производили Восток и Запад: от настоящего швейцарского сгущенного молока и концентрата бульона Либиха до сухого имбирного варенья из Шанхая и душистых свечей из Рангунны, от эффективных мальтийских шалей с серебряными блестками до чудесной индийской кисеи, тканной золотом. В ряду менял (раста-йи саррофон) вы могли разменять свои деньги на любые: индийские рупии, мексиканские серебряные доллары, золотые турецкие лиры, английские фунты-стерлингов и т. п. Местные антикварные лавки таили в себе немало интереснейших предметов большой древности, вызывавших иногда неподдельное удивление. Здесь можно было встретить внушительное по виду и тяжелые мечи крестоносцев с серебряными латинскими девизами у гарды вроде: *Nos Dedi*

*oras cariat, Anno Domini 1405 (то есть „Сегодня я дал, завтра получил. От рождества Христова 1405 год.“), Memento mori. A. D. 1376 („Помни о смерти. От рождества Христова 1376 год“); увесистые восточной бронзы чаши с серебряной насечкой, с горельефными изображениями сцен из древней жизни Ирана, прекрасной сохранности древнюю фарфоровую посуду с чудесными *reflet metallique* XI – XIII вв., интереснейшие древнегреческие, индо-скифские, парфянские, мусульманской эпохи и прочие монеты. И нумизмат, и любитель-коллекционер восточных древностей одинаково нашли бы здесь для себя „богатый улов“ и непередаваемую привлекательность длительного рытья в удивительных редкостях.»*

Торговые ряды («раста») Бухары поражали не столько своей протяженностью, сколько плотностью размещения лавок («дўкон»). Как правило, размещались они по обеим сторонам улицы. Только лишь, на улице, отходящей от пассажа Ток-и-саррофон в сторону Арка, размещалось до 150 лавок, где продавались бумажные фабричные ткани («читфуруши»). Далее шёл ряд «атласфуруши», где торговали шёлковыми тканями, в том числе и фабричными (атласом, бархатом, парчой, шелками) – этих лавок было более сорока единиц.

Очень много было и узко специализированных лавок, размещавшихся в специально отведённых для этого местах,

дабы не нарушать установленного порядка – сосредотачивать торговлю одним видом товаров в одном месте. К концу XIX началу XX в. эта традиция уже будет нарушаться размещением мануфактурных рядов в различных местах. Подобные нарушения будут оправдываться попыткой удовлетворить сильно возросшую потребность в тканях среди местного населения.

Одних только рядов москательщиков («аттори») насчитывалось более 150 лавок. Торговцы фарфоровой посудой располагали 60 – 70 лавками, а «чайный ряд» насчитывал ещё 50 лавок. Неподалеку от Ток-и-тельпак находился кондитерский ряд («халвогари»), также, состоявший из 50 лавок. Далее располагались ряды медников, в которых продавались металлические изделия.

Даже книжных лавок в конце XIX века в Бухаре было 26. Одним словом, торговыми помещениями были заняты все площади города.

Регистан являлся вторым центром торговли. Здесь размещались в основном торговцы съестными припасами и готовыми пищевыми изделиями. Тут в большом количестве находились ряды хлебников ("нонвой"), а также мясников ("кассоб"). Чуть поодаль размещались лавки торговцев мылом и свечами (те и другие – по 120 лавок). Тут же был расположен и фуражный рынок ("бозор-и алаф"), где торговали свежей и сухой люцерной.

Когда на Востоке речь заходит о базаре, то естествен-

ным образом подразумевается раннее утро, поскольку жизнь на восточных базарах начинается рано утром и заканчивается (в основном) уже к полудню, когда солнце, поднявшись высоко и набрав силу, начинает нещадно палить всех и вся. Помимо этой причины существует ещё и другая: на Востоке принято уважать известную поговорку: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт».

Вообще, почти все жители Бухары склонны относиться ко всякого рода лежебокам и любителям поспать если и не осуждающе, то во всяком случае неодобрительно. Я, к примеру, на всю жизнь усвоил бабушкины слова, которые она, в свою очередь, слышала от своих родителей: «Хоб – бародари марг» («Сон – брат смерти»). Она вставала затемно, в пять часов утра и, приоткрыв дверь своей комнаты, садилась незаметно у окна и молилась.

– Рано утром ангелы разносят по домам благую долю («ризқ»), которую важно не проспять! – частенько говаривала она. Мне очень хочется верить, что там, на небесах, её душа сполна вознаграждена и кружится в восхитительном хороводе, состоящем из ангелов и херувимов.

Бозор-и мол

Самым ранним считался бараний базар («бозори мол»), который начинался в 3 – 4 часа утра и заканчивался уже к 6 -7 часам. Мне навсегда врезалась в память картина, как

мы с отцом однажды пошли покупать барана. К сожалению, уже не помню – по какому случаю, но, судя по покупке, повод соответствовал не рядовому событию. Мне было лет 10 – 12, но детская память, все-же, сохранила отдельные эпизоды. Помню, что было ещё очень темно: на небольшом «пятачке» молча прохаживалось несколько продавцов баранов и с десятков – другой покупателей. Силуэты самих баранов еле-еле вырисовывались на фоне темной земли.

Во первых: никакая покупка не обходится без маклера («даллол»), который неизменно присутствовал на таком базаре. Ведь умение торговаться – это особое искусство, требующее от посредника незаурядных качеств: необходимо так суметь сторговаться, чтобы обе стороны в конце чувствовали себя удовлетворёнными. И далеко не каждому такое по силам. Вначале маклер опытным глазом профессионала выискивал в среде покупающих неуверенных и не умеющих торговаться людей и, не навязывая себя уж слишком, знакомился с ними и выяснял – на какую сумму они рассчитывают. Затем он изучал характер каждого из продавцов и также выяснял – за сколько тот собирается продать свой товар. И уже затем переходил непосредственно к самим баранам.

По каким-то – одному ему известным – приметам, он мог в считанные секунды определить, болеет ли данное животное, и если да, то – конкретно – чем. То он внимательно осматривал зубы у одного барана, то – внезапно и резко сжимал и отпускал заднюю часть другого и, что-то заговорщице-

ски, при этом, совещался шёпотом с хозяином товара: то ли ставил диагноз животному и потом сверялся со своими догадками с продавцом, то ли – хорошенько изучив психологию и слабые стороны кого-нибудь из последних, он просто, как мы сказали бы сегодня «брал на понт».

В любом случае, все его усилия носили конкретный характер и вызывали если не восхищение, то, во всяком случае, уважение. Мне повезло: я ещё застал добросовестных маклеров, которые честными способами отработывали свою долю, свой хлеб насущный, прикладывая недюжинное усердие и добросовестность при непосредственной торговле: любой человек, являющийся свидетелем подобной картины, невольно проникался уважением и даже неким состраданием к человеку, выбравшему по жребию Судьбы, данную профессию.

Крепко зажав в кулак руку продавца, он подзывал покупателя и при нем называл цену за животное. Продавец пытался выдернуть свою руку, говоря: «не-ет, не пойдёт», но даллол, продолжая сжимать, тряс его руку, настаивая на своей сумме. Тряс настолько живописно и эмоционально, что и не передать! Тогда продавец, под настойчивым и упорным натиском посредника, называл свою сумму, но маклер не отпускал своих «тисков» и продолжал трясти руку несчастного, Наконец, после 3 – 5 минутной экзекуции, унёсшей немалые силы обеих сторон, вконец измученный продавец соглашался

на какой-то планке взаимных цен, опуская свою вторую руку поверх маклерской руки. Вспотевший маклер клал сверху свою, закрепляя таким образом свершённую сделку, разжимал «тиски», брал за поводок барана и передавал её довольному покупателю, который «отстёгивал» причитающую долю посреднику. В этом деле (как и во многих других), как правило, маклерская доля всегда приходилась на покупателя.

Затем даллол подходил к продавцу, пытаясь выяснить – доволен ли тот совершенной сделкой. И если выходило, что обе стороны довольны, роль посредника на этом заканчивалась и он переключался на очередную пару «продавец-покупатель». Это зрелище нужно было видеть своими глазами. Мне повезло – я видел настоящий спектакль. А ведь как, должно быть, шла торговля другими животными в прошлом? Мне кажется, что я отдал бы многое, чтобы увидеть как торговали лошадьми и верблюдами наши предки. Сейчас, по-моему, всё это уже «умерло».

Баранина на одном из рынков Бухары

Тут, на наш взгляд, уместно будет привести одну характерную байку-миниатюру, позволяющую читателю взглянуть на тему восточной торговли ещё с одного ракурса.

Яйца от чёрной курицы

Как известно, базары на Востоке открываются рано, едва забрезжит утренняя заря. К счастью, мое поколение ещё застало настоящий базар, главным действующим лицом

которого являлся рядовой дехканин, кормившийся от плодов рук своих.

Нынче же, всё в руках у перекупщиков, которые диктуют свои цены. Эти современные флибустьеры рыночной торговли, рядового колхозника и на пушечный выстрел не подпустят к воротам рынка. Но, похоже, я как всегда отвлекся...

В золотую пору моего детства, с раннего утра, сбоку от рынка, можно было заметить серую толпу невзрачных дехкан-колхозников, со своими бидонами, ведрами, корзинами, котомками, тазами... В основном, это были сельские молочники: торговцы кислого молока, каймака, местной брынзы (панир). Чуть поодаль от них, как правило, располагались продавцы куриных яиц.

А яйца – надо сказать – неотъемлемый продукт любой уважающей себя еврейской семьи. И вот, рано поутру, можно было застать типичную картину: старый бухарский еврей долго и монотонно торгуется с робким селянином. Последний, порядком проинформированный о хитрости и коварстве евреев и не желая прослыть в глазах земляков обманутым простофилей и дураком, упорно борется за каждую копейку.

– Семь копеек! – начинает торговлю еврей.

– Не-е: десять!

– Так и быть: восемь!

– Не-е: девять!

– Ну, хорошо: пусть будет по-твоему – восемь с полови-

ной.

Сконфуженный дехканин, едва окончивший пять классов и далекий от дробей, явно впадает в ступор, теряясь и не находя слов. В итоге, более поднаторевший в этом деле оппонент, добивается своего: колхозник согласен уступить яйца по восемь с половиной копеек за штуку. И уже начинает было перекладывать товар из своего ведра в коробку покупателя, однако, тот внезапно останавливает начатую процедуру, озадачивая продавца следующей шарадой.

– Нет, погоди, так дело не пойдёт! Ты ведь, знаешь, что мы – евреи – не всякие яйца едим? Тем более, что я собираюсь навестить больного сородича.

Окончательно сбитый с толку несчастный горе-продавец машинально кивает головой. Меж тем, потомок Моисея поясняет:

– Яйца от белой курицы больному еврею есть запрещено! А потому, я сам буду выбирать, поскольку мне нужны яйца только из под черной курицы.

И под завороченный взгляд загипнотизированного колхозника, еврей тщательно отбирает требуемые яйца. Наконец, расплатившись, собирается до дому.

– Постой! – неожиданно доходит до незадачливого дехканина. – А как ты различаешь – КАКИЕ яйца от белой курицы, какие – от черной?!

– Это очень просто. – раскрывает на прощание свой секрет бухарский еврей. – Те, что по-крупнее – от черной кури-

цы...

В своё время, широкой популярностью пользовался один из немногих оставшихся базаров, находившийся в старой части города, недалеко от минарета «Калон», который и сейчас жители Бухары называют просто «бозори раста». Совсем рядом с этим базаром располагалось небольшое здание редакции областной газеты «Бухоро хакикати» («Бухарская правда»), где работал, сначала ответственным секретарём, а потом и заместителем редактора, отец одного из соавторов данной книги – Саидов Бахшилло Абдуллоевич.

Раз в неделю в нашем доме раздавался телефонный звонок. Звонил папа и спрашивал меня. Я невольно скисал, ибо знал, что сейчас мне предстоит сесть на автобус, курсирующий по второму маршруту (всего было не больше десятка маршрутов) и ехать в старый город, к отцу. В обеденное время мы заходили на этот шумный и пёстрый базар, где отец не спеша совершал покупки, загрузив меня основательно авоськами с овощами и затем провожал до остановки.

Как и все бухарцы, отец любил основательно побродить по базару, прицениваясь и торгуясь с колхозниками, приезжающими в город для того, чтобы сбыть свой нехитрый товар. Сейчас уже почти невозможно встретить на рынке колхозника, торгующего своим товаром: на всё уже давно наложена мохнатая лапа перекупщика. Бедного дехканина сразу ставят перед фактом: либо ты сдаёшь свой товар оптом (по-

чти за бесценок), либо – «мы за тебя не отвечаем.» Легко догадаться, что никакому простому труженику земли не придёт в голову, тягаться с торговой мафией. Затем перекупщики нанимают своих людей для торговли и устанавливают на рынке цену. Ни о какой конкуренции речи быть не может. Хочешь – покупай, не хочешь – проваливай. Вот так.

Но я опять-таки повторяюсь – мне повезло: я застал ещё тот настоящий живой восточный базар, которым и славится Восток. Отец имел обыкновение не один раз обойти весь рынок, прежде чем совершить покупку. Меня это убивало, но он постоянно повторял: «Как можно не уважать себя, совершая поспешные и необдуманные покупки? Необходимо присмотреться к ценам, прицениться, поторговаться».

А поторговаться он любил.

– Сколько-сколько?! – переспрашивал у оторопевшего и сконфуженного дехканина папа, вскидывая вверх свои мохнатые брови. – Вот, в двух шагах от тебя, люди продают по десять копеек, а ты, набравшись наглости, просишь за свои червивые яблоки пятнадцать? Ты что, с неба свалился?

Бедняга что-то лепетал в своё оправдание, а родитель уже делал вид, что собирается покинуть его. Иногда это действовало и продавец, удерживая за рукав пиджака, соглашался уступить свой товар по выгодной для отца цене. Я в такие моменты смущался и старался спрятаться за спину родителя.

И дело вовсе не в том, что у нас не хватало денег: слава Богу, папиной зарплате мог позавидовать любой. Просто, тем и отличается настоящий базар от рынка, что здесь человек делает не только покупки, но ещё и отдыхает, расслабляется, общается наконец. Умение торговаться – немаловажное качество, имеющее актуальное значение при создании семьи. Оно показывает человека с хозяйской стороны, выявляя его практичность и рачительность. Поторговавшись и настояв на своей цене, человек получает небольшое, но удовлетворение тем, что не дал себя так легко обмануть. Возникает какая-то гордость за себя, за то, что сумел выгодно сторговаться и сэкономить деньги. Все это, конечно же, мелочи, но они поднимают настроение, позволяют человеку почувствовать свою значимость и самоутвердиться.

В старые добрые времена на базаре совершенно свободно можно было попробовать почти любой товар, и если качество тебя не устраивало, то обид никаких не возникало. Сейчас тоже можно попробовать. Но только в том случае, если жить тебе надоело и ты собрался как можно скорее свести счёты с жизнью. Современный базар, к сожалению, утратил свою былую сущность, оставив взамен только одну функцию – чистую торговлю по магазинному образцу. Впрочем, я был бы несправедлив, утверждая это однозначно. Кое-где ещё, возможно, сохранились «реликтовые островки» былой экзотики, но это уже все равно не то.

Большой базар переместился на окраину, в северо-запад-

ную часть города, рядом с полуразрушенной стеной древнего города. Большая площадь позволяет разместить множество разнопрофильных лавок, лавчонок и магазинов, по всему периметру опоясывающих собою окружность большого базара. В центре базара находится большое крытое помещение, в котором располагаются ряды продавцов фруктами, овощами, кондитерскими изделиями, пряностями и овощами. За крытым помещением также расположены многочисленные ряды, где продают различные изделия сельского хозяйства: ножи, серпа, мотыги, кетмени, лопаты. Далее – идут ряды продавцов золотошвейными изделиями: халатов, тубетеек, нарядов для молодожёнов, платков, сюзане и прочее. Ещё далее, ближе к городским стенам, расположен «блошиный рынок», на котором торгуют всякой всячиной и старой рухлядью.

Ещё один довольно крупный базар, который хорошо зарекомендовал себя и органично вписался в общую архитектуру современной Бухары – это Крытый рынок.¹⁴ Он возник при мне, поскольку строительство его велось неподалёку от моего дома, где я вырос. Раньше, приблизительно на этом месте, чуть в стороне, существовало небольшое озеро, прозванное нами «Октябрёнок». Туда мы часто ходили всем двором купаться и там я однажды чуть не утонул. Затем этот «лягушатник» завалили бульдозерами, разровняли и на его месте построили новое здание редакции и рядом Крытый рынок.

¹⁴ В настоящее время (2020 г), вместо этого рынка в скором будущем намереваются построить большой торговый комплекс.

Этот рынок характерен тем, что является как бы связующим звеном между старым и новым городом, своего рода географическим центром всего города.

Некогда, на заре своего становления, главной «достопримечательностью» этого рынка являлся бухарский еврей Арон, которого неизменно – зимой и летом – можно было застать торгующим пивом (зимой), либо квасом (летом). Рядом со своей неразлучной спутницей – жёлтой бочкой, на которой кем-то из нашей ребятни было огромными буквами выведено: «АРОН – БЛОНДИН». Казалось бы, ну совершенно безобидная надпись. И только переведя взгляд на самого хозяина – копчённого как смоль – до вас доходил истинный смысл написанного. Однако он совершенно не обижался и никогда не предпринимал попыток – стереть написанное слово.

Глядя на него можно было подумать, что ему не то, чтобы лень взбираться на бочку, но просто, весь мир был ему, что называется, «до лампочки». У него был постоянно один и тот же умилительно-равнодушно-приветливый взгляд, словно он только что обкурился анаши. Пиво его было всегда отвратительно тёплым и разбавленным (впрочем, равно как и квас), но это обстоятельство нисколько не подрывало его авторитета. Никому и в голову не могла прийти мысль оскорбить или обидеть его, поскольку других бочек с пивом в городе я что-то не припоминаю. Казалось, что он жил в совершенно ином – оторванным от реального – мире,

и только реальная жёлтая бочка на колёсах являлась той нитью, что связывала его с остальными обитателями этой планеты. Уникальная личность была. Можно сказать, «кусочек бухарской Одессы».

Инжирный ряд на бухарском рынке

К сожалению, сегодняшний облик рынков не имеет ничего общего с тем, что представляли собою ранние восточные базары. Уже почти невозможно встретить на них простого дехканина, торгующего продуктами со своего огорода. Все на корню скуплено бессовестным перекупщиком, который устанавливает непомерно высокие цены и ведёт себя вызывающе нагло и дерзко.

А потому, далеко не каждый рядовой местный житель может позволить себе ежедневно вкушать плов или кабоб. Жизнь заставляет прибегать ко всякого рода уловкам (изобретать различные дешёвые заменители, применять подозрительные консервы и суррогаты, а то и вовсе переходить на вегетарианскую диету), дабы разнообразить домашнее меню. В итоге, все это сказывается на качестве пищи и, как следствие, на продолжительности жизни нации в целом.

В погоне за недееспособным клиентом, продавцы соревнуются друг с другом за удешевление конечного продукта, что, в свою очередь, естественно, не может не сказаться на качестве предоставляемого товара.

И в заключение – ещё одна бухарская притча.

Надежда умирает последней

Всё-таки, местный восточный фольклор неистощим

и не иссякаем: сколько б я ни жил, никогда не устаю изумляться своеобразному бухарскому юмору, который даже в таких – казалось бы суровых – условиях, как нынешнее время, не прекращает проявлять себя, вселяя в сердца оптимизм и заставляя нас лишний раз улыбнуться и чуть-чуть расслабиться.

Есть у меня давнишний друг и приятель, с которым мы общаемся аж с юношеских времён. В виду того, что мы давно разделены и разобщены географически, то периодически нам приходится уточнять или согласовывать отдельные узловые и спорные моменты нашего будущего произведения, прибегая к интернету или телефону. Как и принято в подобных случаях, не обходится и без шуток, курьёзов и анекдотов, коими напичканы наши головы, ибо оба любим смех и здоровый юмор.

– Ты знаешь, я тут недавно общался по телефону с твоим дядей... – сообщает мне товарищ, подразумевая мужа моей старшей сестры, который кстати, приходится также и родственником ему самому. – Пообщались с ним о том, о сём... естественно, не могли обойти стороной и такую актуальную тему наших дней, как корона вирус.

– Ну-ну? – с интересом спрашиваю я, прекрасно осознавая тот факт, что всё моё поколение находится в известной повышенной зоне риска. И тут же, незаметно для себя, соскакиваю «автоматом» на родной язык – Тинчими? («Всё ли нормально?»)

– Вот-вот, и я ему о том же... – озабоченно продолжает мой друг и тоже, перейдя на таджикский, пересказывает мне их диалог – Ки медонад ин балоя? На сараша, на охираша... ҳеч кас намедонад. («Кто может знать про эту напасть? Ни начала, ни конца... никому не дано предугадать?»)»

– Э-э, хай, майлаш... («Ну, да ладно...») – соглашается на том конце провода мой старший зять и, заканчивая беседу, как бы подводит черту, вселяя надежду – Илоҳо ина охираш бахайр шавад! («Лишь бы в конце всё сложилось нормально!»)»

На что его собеседник неожиданно выдаёт:

– О! Кстати: а Вы знаете, откуда появилось это выражение у бухарцев?

Вообще-то, ошеломить или озадачить подобными вопросами моего зятя довольно сложно, поскольку он является не только весьма уважаемым человеком в почётном кругу узких интеллектуалов и краеведов города, но к тому же, известен своими глубокими познаниями в области таджико-персидской филологии, истории и всего того, что касается этимологии, происхождения отдельных поговорок и фольклорных выражений в частности. Однако тут ему с сожалением приходится чистосердечно сознаться в своей неосведомлённости относительно конкретного выражения. И Амон с радостью повествует ему следующую историю.

Было это давно, аж во времена эпохи правления Сама-

нидов, когда люди были набожными, а правители не утра- тили таких понятий, как честь, совесть и справедливость. Когда порядки в стране блюлись строго, а закон исполнялся неукоснительно. Когда, на рынках существовала специаль- ная должность, которая исправно следила за точностью мер и весов, ибо в мусульманском мире это считалось вели- чайшим грехом, требующем сурового наказания...

И вот, на одном из бухарских базаров был выявлен нечи- стый на руку продавец овощей, обвешивающий честных граждан. Когда его изобличили и он был вынужден пред- стать перед всенародным судилищем, главный раис, испол- няющий роль праведного вершителя правосудия, обратился к гражданам:

– Какого наказания заслуживает этот нечестивец и бо- гоотступник? Ваше решение – закон к исполнению!

– Пусть палач затолкает ему в ж@пу всю его морковь! – выкрикнул из толпы какой-то остряк, вызвав тем самым хохот у толпы и громкие возгласы одобрения.

– Что ж, да будет так! – вынес вердикт справедливый и неподкупный блюститель закона шариата.

И вот, когда палач, нагнув свою жертву, стал поочерёд- но вбивать ему в зад по морковке (приговаривая: Ин як... ин – ду, ин – се! /«Это раз... это два... это три!»/), пло- щадь огласилась неожиданными восклицаниями несчастно- го к Всевышнему:

– Илоҳо ина охираи бахайр шавад! («Лишь бы в конце всё

сложилось удачно!»)

Что – естественно – не могло не удивить палача, который, не выдержав столь неординарной реакции своей жертвы, с изумлением поинтересовался:

– С какой стати, тебе вдруг приспичило с такой довольной рожей, молиться о каком-то благополучном «исходе»?!

– Дело в том... – ответил ему незадачливый торговец – что когда закончится морковь, то на дне мешка у меня сохранилось ещё с полпуда свеклы...

Караван-сарай

Один из многочисленных караван-сараев Бухары. Фото 2017 г.

Собственно, эту тему мы давно собирались осветить. Сейчас же, благодаря нашему другу-бухарцу **Зоиршо Клычеву**, попробуем это сделать.

Итак, что же такое караван-сарай? По сути, это постоянный двор для путешественников или – говоря современным языком –

ком – гостиница. На всём протяжении Великого Шелкового Пути, в любых городах Востока имелись подобные заведения, без которых немыслима была жизнь путешественника, а следовательно и сама торговля. А потому, вся инфраструктура восточных городов была «заточена» под этот важный вид деятельности, благодаря которому и был возможен культурный и прочие обмены между людьми. Скажем, где странствующим купцам разместить свои товары? Куда пристроить верблюдов, лошадей, обыкновенного осла? Наконец, где найти уютный и теплый уголок для себя?

Ведь караваны двигались с Востока на Запад и обратно постоянно, на протяжении ряда столетий. Пока... в 1498 году, один арабский лоцман – ибн Масчид – не показал флотилии Васко да Гамы кратчайший путь от восточной Африки до вожделенных берегов Индии, родины специй и пряностей. Именно с этого времени значение Шелкового Пути начинает ослабевать и спадать на «нет», а спустя ещё два-три столетия и вовсе окончательно уйдёт в забвение, оставив своим потомкам лишь яркие фантастические картинки из сказок «Тысячу и одной ночи».

– Обратите внимание на эту маленькую дверку («дари-ча»)! – подсказывает нам Зоиршо – А теперь, представьте себе, что один из купцов стучится в неё и ему на стук откликается саройбон...

– Кто-кто? – перебиваю я.

– Саройбон! Ну, или по-другому «дарвозабон». – удив-

ленно поднимает на меня глаза товарищ и поясняет азбучные истины – От слова «дарвоза» («ворота», «двери»). То есть, сторож или охранник данного караван-сарая.

Мне становится стыдно, что я уже начинаю забывать такие элементарные вещи из своего недавнего прошлого.

– А, ну да, конечно...

– А теперь, смотри сюда! – оживляется мой друг – Вот, видишь: это настоящие следы от обода колес арбы («галтак»), повозок и прочего гужевого транспорта. Так вот: саройбон из-за своей дверки справляется о купце, о его товаре, о договоре-контракте и только после этого впускает гостя вовнутрь.

Тут, пожалуй, стоит отметить про ещё одну важную особенность, касающуюся торговли в древние времена и денег в частности. Как известно, в каждом восточном городе имелись, выражаясь современным языком, пункты обмена, где менялы обменивали приезжим купцам их деньги на любую валюту. В Бухаре таким центром являлся купол-пассаж, который так и назывался «Купол менял» («Ток-и саррофон»). Там сидели «финансисты» и «банкиры». Как правило, управляли всем этим евреи или индусы, поскольку – как известно – согласно шариату и Корану, мусульманам запрещено было заниматься ростовщичеством, дабы не оказаться в Судный день в аду.

Так вот, оказывается, уже во времена Великого Шёлкового Пути, были известны такие термины как «чек», «банков-

ская карта» и т. п. потому как, редкие купцы, торгующие как правило оптом, рисковали носить наличные с собой. И это понятно: даже в наше время никто не застрахован от грабежа, что уж тут говорить о прошлых столетиях, кишаших разбойниками и прочими нехорошими товарищами. А потому, оказавшись в незнакомом городе, купцы стремились первым делом навестить менял, где за свой товар они получали на руку небольшую бумажку, заверенную местным оператором, а по-приезду домой они могли предъявить этот «чек» агенту и спокойно получить в полном объёме свои наличные.

Бухара издревле славилась огромным количеством караван-сараяв, где ни на минуту не прекращались довольно крупные сделки между продавцами и покупателями. К примеру, в сарае Убайдуллаходжи совершались ежедневно сделки на сумму до 15 тысяч рублей. Маклеры объявляли о поступающих товарах, на какую сумму, какие отпускались в кредит или под векселя и на какой срок.

В казенном (эмирском) сарае Сайфиддин обосновались баи, торговавшие шелком, золотошвейными материалами, жемчугом, бриллиантами, алмазами, золотом. Это было гнездо аферистов, известных более по кличкам. Так, «Абрам-Юнус» (иранец) имел несколько паспортов и состоял то в одном, то в другом подданстве. Кўри-Изро был известен больше как «Айнаки» («очкастый»), торговал драгоценностями. Иные были известны как «Кура-Малахим» (одноглазый), «Абои-Қоқ» (сухой). Маклером этого сарая был Дауд

(«Давид» – еврей). Оборот сарая в день достигал 50 тысяч рублей.

В эмирском сарае Ногай обосновался ростовщик Қори Исмат-калля (его оборот достигал в день 1000 рублей). Другой бай, Қори Силькои, снабжал мануфактурой всю восточную часть Бухарского ханства. В том же сарае помещались до 30 других торговцев (савдогаров). На втором этаже сарая Ногай шили халаты. Каждая худжра имела своего хозяина. Оборот сарая в день составлял, примерно, 5000 рублей...

В сопровождении бывшего главного архитектора города я с трепетом и волнением вхожу на территорию одного из восстановленных караван-сараяв и... словно перенесаясь в мгновение ока, попадаю в совершенно иной мир. И в то же самое время – до боли знакомый. Настолько, что аж защемит где-то там, в груди.

– Вот, мы только что вошли в караван-сарай. – останавливается перед широким внутренним двором Зоиршо и поясняет. – Что такое караван-сарай? Это тип торгового сооружения, служащее гостиницей для купцов-торговцев, и – одновременно – являющееся складом для их продукции и всяких товаров.

– А что это за ниши? – обращаю я внимание своего спутника на ряд углублений.

– Это не ниши, а стойла, которые называются «охур». – смеётся Зоиршо. – В данном случае, это охуры для ослов, судя по их высоте. Чуть далее, я тебе покажу и охуры для лоша-

дей. Кстати, вот и ещё одна функция караван-сарая: «гараж» для гужевого транспорта! Скажу более: тут даже предусматривалось специальное помещение для хранения сена, овса и прочего корма. Кроме того, был предусмотрен навес от дождя («ним-айвон»). Обрати своё внимание вот ещё на что: видишь – тут мы спускаемся вниз по пандусу, а там поднимаемся по ступенькам наверх, к кельям, где проживали сами торговцы. А почему? Потому что должна существовать так называемая «санитарная граница», отделяющая грязь, нечистоты и испражнения животных от места проживания людей.

Внутренний двор караван-сарая. Фото 2017 г.

Мы спускаемся по главному пандусу во двор, проходим немного, а затем мой собеседник обращает моё внимание на узкий пандус справа. И, подмигнув заговорщически, шепчет:

– Пойдём, я тебе ещё кое-что покажу.

– Ах! – воскликнул я, последовав за своим гидом и вскоре очутившись ещё в одном волшебном помещении. – Так вот как, оказывается, выглядят охуры для лошадей!

– А ты я вижу очень догадливый! – улыбнулся Зоиршо – Совершенно верно – это «саис-хона» («конюшня»).

После чего, он отходит немного в сторону, предоставляя мне возможность, сделать несколько снимков.

– Боже мой! – вырывается из моей груди – Как хорошо, что удалось сохранить кусочек той Бухары. Но – КАК?!

– А вот это хороший вопрос! – похвалит меня друг и пригласит пройти с ним на противоположную сторону двора, где в одной из келий был расположен импровизированный музей. – Здесь представлены фотографии прошлого, недавнего и настоящего! Видишь, с чего всё начиналось и в каком состоянии всё тут находилось? Ты возможно не поверишь, но я отсюда вывез (есть официальные даты, подписи...) четыре с половиной тысячи машин мусора!

– Это просто, невероятно! – я с изумлением и восхищением уставился на одного из самоотверженных и скромных

тружеников и истинных патриотов родного края.

– Ты даже себе не представляешь, как выглядело это место до реставрации. – живо откликнулся на мою реакцию мой спутник и гид. – В советские времена здесь всё было буквально засыпано под грудами развалин. Песок, грязь и мусор – всё, больше ничего не было видно! Они ведь, собирались тут всё снести к чертям собачьим и возвести на этом месте какой-то торгово-развлекательный комплекс. Нет, ты себе это представляешь?! Однако, французская фирма, которая спонсировала данный проект и дала деньги...

– Подожди! – прервал я собеседника. – Как это «французская фирма»? А наши? Разве они не были заинтересованы в восстановлении?

– Какой ты наивный и простой. – не удержался приятель. – Кто «наши»? Кому из «наших» это было надо?!

Дабы сохранить подлинность нашего разговора, я вновь включаю свой диктофон.

– Повторюсь: здесь были руины и «ахлот» (бух. «мусор»). – продолжает мой гид. – И тогда, внимательно изучив со всех сторон, я сказал, что берусь восстановить это дело «с нуля». В то время, как другие в ужасе говорили, что такое невозможно восстановить, что это пустая трата времени и сил. Но – меценат в меня поверил. И ты знаешь, как на открытии он меня тискал, обнимал и всё приговаривал: «Иманс травО! Иманс травО...» («immense travail»). Откровенно говоря, хоть я и неплохо владею французским,

но не сразу сообразил – о чём это он. И только придя домой и открыв словарь, узнал, что это означает «Огромная работа!».

– Какой колоссальный труд... – только и сумел я вымолвить вслед за французом, бегло пройдясь по многочисленным фотографиям. – Да тебе следует за это дать орден!

– Спасибо, но для меня главное не орден, а чтобы не мешали...

– А что – есть и такие? – удивился я.

Зоиршо только улыбнулся моей наивности.

– Ты знаешь: сейчас у кого есть деньги, тот и старается «рулить» всем. Или у Вас там, в России, по-другому?

– Да-да, ты прав. – вынужден согласиться я со своим собеседником. – К сожалению, наука, культура и история сегодня оказались никому не нужны. Но и это время пройдёт.

– Конечно, пройдёт. Но в наши дни, главная задача – это отстоять и сохранить для потомков хотя бы то небольшое, что осталось. Будет обидно и горько, если какой-нибудь «шустряк от бизнеса» и далёкий от истории, подомнёт этот объект под себя, руководствуясь узко меркантильными интересами. Понимаешь?! А мы как были нищими философами, так и останемся ими. Вот, что обидно. А как было бы хорошо, скажем, если б ты тут открыл свою кулинарную школу; кто-то другой из энтузиастов, неровно дышащий к наследию своих предков, открыл бы свою этнографическую экспозицию для туристов; я бы, к примеру, с удовольствием читал бы

для слушателей и специалистов свои лекции на тему истории и т.д., и т. п. То есть, сочетать приятное с полезным – вот ведь я о чём всё время пекусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.